

КА

Татьяна Волчак

Холодные голоса

Академия "Редкие дары"

Татьяна Волчяк

Холодные голоса.
Академия «Редкие дары»

«Автор»

2023

Волчяк Т.

Холодные голоса. Академия «Редкие дары» / Т. Волчяк —
«Автор», 2023

У всех на Атерре к двенадцати годам открывается дар, а мне досталось проклятие: болезнь, которая не даёт спокойно жить. Ещё и отец с моим замужеством решил поспешить, ведь я солгала, что недуг отступил. Пришлось импровизировать! Я еду в королевскую академию! Что меня там ждёт? Смогу ли найти исцеление? Не знаю, но выхода другого нет.

Содержание

Глава 1. Раннее пробуждение	5
Глава 2. Праздник всепрощения	9
Глава 3. Семейный раздор	13
Глава 4. Приезд в академию	16
Глава 5. Испытание силы воли	22
Глава 6. Первый неуд и скандал	27
Глава 7. Не все так просто	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Волчяк

Холодные голоса. Академия "Редкие дары"

Глава 1. Раннее пробуждение

– Уби-и-ить... Убить его... – шепчет женский голос.

Сквозь доглаженное ночное спокойствие врываются в мое сознание выматывающие и до боли омерзительные слова. Слова, не дающие мирно жить на протяжении нескольких лет.

– Убить, убить, – снова и снова гадкий, противный скрежет. Уже не шепчет, уже в полную силу пробирается через пелену отступающего сна. Скрипучий голос требует смерти.

Ненависть, злость, страх вливаются в мою душу вместе с дикими словами жаждущей расправы эйты. Холод... Несмотря на лето, меня одолевает жуткий холод. Начиная с двенадцати лет, он стал неотъемлемой частью моего существования. Обычно в этом возрасте у юношей и девушек происходит перестройка организма и проявляются магические дары, а мое взросление ознаменовалось появлением голосов.

Мгновение. Наступает тишина, мимолетная, неуловимая. Хочу продлить безмолвие в своей безумной голове, но знаю, это ненадолго. Скоро меня вновь будет мучить и душить изнутри ярость чужих эмоций.

Стягиваю с себя теплое белое одеяло, окончательно просыпаясь. Белая, идеальной чистоты ночная сорочка путается в ногах, мешая свободно встать. Окна плотно зашторены по всем правилам приличия в покоях молодой эйты. Даже если рассвело, об этом можно догадаться лишь по магчасам на стене, но никак не по первым солнечным лучам. Выпутавшись наконец из длинного и широкого подола ночной рубашки, босиком прохожу к окну. Одним резким движением сдвигаю плотные и, да, тоже белые шторы с вышитыми на них бабочками. Кто-то однажды сказал матушке, что белый цвет успокаивает и дарит умиротворение. После этого доброго совета она решила облегчить мое состояние. Это было давно, но убранство моей спальни до сих пор остается таким, словно здесь живет смертельно больной, которому жизненно необходима стерильная чистота.

– О! Всемиловитая богиня Ора, помоги!

Плач и хныканье, слышные только мне, застают меня глядящей на высокую ограду семейного особняка. Маленькая девочка шмыгает носом, всхлипывает и тоненьким голоском просит богиню о милости. В ее одинокие стенания вклинивается скрипучий голос только с одним желанием – погибели. Они перекликаются и заставляют меня морщиться от своего невидимого присутствия. Следом к ним добавляется еле различимый третий, точнее, третья неведомая девица с обращенной к кому-то просьбой одуматься и не делать глупостей. И это не все, кто лезет мне в голову, а только те, чьи слова я могу разобрать в полном хаосе слез, всхлипов, шелеста и неясных шорохов.

Еще темно, все спят. Тишина в доме, но не в моей голове.

По распоряжению Жака, ведущего хозяйство в нашем родовом особняке, заправленные огнем маглампы ярко освещают подъездную дорогу. Один из таких фонарей установлен прямо под пышными ветвями дуба. Свет от него, пробиваясь сквозь листву, создает, как мне кажется, очертания человека. Высокий, худощавый, одной рукой упирается в бок. Он задумчиво смотрит в мою сторону, прищурив один глаз. Мой воображаемый и молчаливый собеседник исчезнет с опавшими листьями. Оставит меня на долгие зимние дни, чтобы вернуться вновь к лету. Буду ли я так же вести с ним ночные беседы? Выдержу ли еще столько времени в постоянно сопровождающем меня гвалте голосов и непрекращающемся шуме?

Уже рассвет, небольшая передышка. Днем не так слышны мольбы, не так остро чувствуются чужие эмоции. Время, когда я могу хоть немного перевести дух и сконцентрироваться на поисках способа устранения своего личного кошмара.

Сунув ступни в мягкие домашние тапочки, я прошлепала в умывальню. Холодная вода брызнула из крана, зафыркав в старых трубах. Семейный особняк строил еще пра-, пра- и несколько пра- к ряду дедушка. Он первым был удостоен почетного титула графа Каллийского. С тех самых пор огромный дом на берегу реки Мелик в пятидесяти атрин¹ от столицы ни разу не подвергался капитальному ремонту. Если бы причиной была нехватка денег, но нет. Как раз денег в нашей семье было предостаточно. Матушка считает, что тратить средства на то, что и так работает, необязательно. А вот менять обои и обивку необходимо не реже чем раз в год. Она уверена, что потертое сиденье стула сразу заметят ее многочисленные подруги. Заметят и непременно внесут ее в список нерях.

Кран перестал издавать надрывные звуки. Я поднесла ладони к прохладной воде и плеснула ею в лицо. Посмотрела в зеркало и не удивилась, увидев себя с припухшими веками и синевой под глазами.

– Зелье уже не справляется со своей задачей, – проговорила с отчаянием в голосе.

Приготовленное всего несколько месяцев назад новое травяное спасение от моих ночных приступов быстро вызвало у меня привыкание. Теперь его действие с каждым разом длится все меньше и меньше. Сегодня не хватило до рассвета нескольких часов, а уже завтра и вовсе... Не хочу думать об этом сейчас, но если не приму меры, то скоро совсем не смогу спать.

Я смотрела в свои карие глаза, а перед ними всплыла моя первая истерика. Мне двенадцать, я, вся в слезах, рассказываю матушке, что мне постоянно что-то говорят незнакомые люди, но я их не вижу. Велю им уйти и дать мне спать, а они меня не слышат и продолжают, продолжают бесконечно болтать. Рассказываю ей, что мне холодно, я мерзну, показываю мурашки на коже. В глазах родительницы сомнения, она не верит, думает, я лгу. Бегу к отцу и рассказываю то же самое. Он говорит, что позовет лекаря и тот обязательно мне поможет. Сообщает, что назначил мне еще преподавателя по бытовой магии, к которой у меня совсем недавно открылись способности. Я кричу, что не могу терпеть, у меня болит голова от постоянного шума, и в тот же миг падаю без чувств посреди кабинета отца. Тогда я очнулась в своей комнате в окружении родителей и лекаря. Они беседовали о моем состоянии. Вызванный отцом целитель разводил руками и предлагал связаться с коллегами, так как не понимал, в чем здесь дело. С того самого дня начались мои муки. Родители пытались выяснить, что со мной. Начался бесконечный наплыв в дом магов разного сорта.

После нескольких лет поисков и трудов лекарей, магов и даже отшельников из Долины успокоения отец принял решение отправить меня в закрытый пансион. Знал ли он, каково мне там будет? Знал ли он, что два года, проведенных мною в этих ненавистных стенах, над его дочерью ставили опыты, испытывали заклинания, влезали ей в голову сначала с помощью чтецов мыслей, а затем – некромантов. Но все они только снова и снова разводили руками. Несколько раз я пыталась сказать об этом отцу. Говорила, что не могу больше. Что невыносимо слышать эти голоса, но еще труднее, когда лезут в голову, которая и так вот-вот расколется на части.

Единственное толковое, что придумали эти умники, – травяной состав. Он давал возможность притупить на время мое сознание. В эти блаженные минуты я засыпала.

К слову все, кто пытался мне помочь, подвергались после своих неудач чистке памяти, а время, потраченное на меня, заполнялось другими воспоминаниями. Это было неукоснительное требование родителей. Сплетни разлетаются быстро, и, не приведи Всемилостивая Ора,

¹ Атрин – расстояние, равное примерно километру.

при дворе могут подумать всякое, если прознают о недуге дочери королевского советника. Надо сказать, все маги соглашались на это с охотой, за что отец щедро платил им.

Закончив рассматривать себя в зеркале, я закрутила позолоченный вентиль крана. Внутри труб заурчало и заклокотало, словно кто-то проталкивал воду, не желающую уходить. Я промокнула лицо мягким полотенцем и прошлепала в раздевальню. Выбрала серое свободное платье с тонким поясом, за которое еще раз поблагодарила нового модельера. Она произвела фурор, высказавшись при дворе о том, что корсеты и пышные юбки – это пережиток прошлого, он может быть уместен только на королевских приемах. Конечно, не все были согласны с новой модой, и моя матушка была в их числе.

Я самостоятельно уложила волосы и надела летние ажурные перчатки. Накинула мягкую теплую накидку чуть светлее платья, когда в дверь постучали.

– Входи, Джия, – разрешила служанке.

В комнату вошла девушка, моя ровесница, и тут же стала сокрушаться:

– О! Эйта Анна, как же вы это сами оделись и уже расчесались? Графиня снова будет меня ругать за нерасторопность!

– Джия, прошу, говори тише, – скривилась я от ее звонкого голоса.

Девушка занялась постелью. Выверенными движениями заправляла выбившуюся местами простыню, раскладывала подушки в строгой симметрии друг к другу, перемеряя все чуть ли не до санит². Затем стала обходить кровать, высматривая огрехи. Меня это невозможно раздражало, хотелось остаться одной и немного прийти в себя, пока моя больная голова дает на то возможность.

– Джия, прекрати, все и так идеально!

– Что вы, эйта Анна! – вскрикнула горничная. – Графиня Элизабет будет проверять. Если найдет неточность, мне несдобровать, вы же знаете.

Да, матушка консервативна и до тошноты придиричива к слугам. Впрочем, не только к слугам. Она соблюдает все правила и нормы поведения, утвержденные при дворе. Ее личный шкаф забит доверху сводами правил и перечнями хороших манер. К примеру, последняя директива имела название «Как обустроить дом почтенного эйта». При всем этом, читая сей труд, она, видимо, пропускала страницы, где говорилось о водопроводе. Однажды я наблюдала, как она повязывала отцу шейный платок, новый знак отличия высокопоставленного лица. Матушка пыталась самостоятельно постичь сложную науку разнообразных методов повязывания этого аксессуара. Выверяла угол наклона каждого узелка на шее отца более часа. Надо отдать отцу должное, он молча терпел, ласково приговаривая:

– Милая Эли, может, отдадим предпочтение другому предмету туалета? Ведь ношение шейного платка – это всего лишь рекомендация, а не правило, – и так любяще на нее смотрел, что я немного смутилась из-за того, что подглядываю за родителями.

Закончив с постелью, Джия, как всегда, поинтересовалась моими планами на сегодня.

– Эйта Анна, вы сегодня пойдете на Праздник всепрощения? Говорят, на площади будут столичные музыканты.

Я совсем забыла, что сегодня праздник, но это не меняет моих планов по созданию нового средства от приступов.

– Нет, Джия, скорее всего, весь день буду в библиотеке. Так что обед можешь принести туда.

– Но как же...

– Все, Джия, если ты закончила, можешь быть свободна, – грубо оборвала я девушку на полуслове, но если ее не остановить, сама она этого сделать не сможет. Мне же каждая минута тишины – дар богов.

² Санит – расстояние, равное сантиметру.

Сомнительная тишина, конечно. Чужие эмоции и голоса при звуках дня немного меркнут, а иногда и вовсе пропадают, но всегда остается фоновый шум. В ушах шелест. Иногда такой звук, словно волны Белого моря накатывают на рифы. А бывает, стоит гул, будто ветер из самой Долины успокоения долетел до меня и гудит, гудит, гудит...

Глава 2. Праздник всепрощения

Не успела Джия выйти за дверь, как в нее без стука влетела моя сестра Матильда.

– Дорогая сестрица, я пришла первой поздравить тебя с великим праздником, – защебетала она мелодичным голоском, а я в очередной раз взмолилась богине, чтобы меня оставили в покое.

– Спасибо, Мати, и тебя с праздником. Прости меня, если я тебе когда-то грубила или не понимала тебя, – проговорила я общеизвестные слова извинения, тут же задумавшись, с чего вдруг сестра с раннего утра при параде.

Шелковое, цвета персика платье с оборками, которое она надевает только в особых случаях. К слову, у нас с ней всего год разницы, но иногда мне кажется, что я намного, намного старше ее.

– Прости меня, сестра, – начала она, – за то, что я лучше тебя. Что мне досталось нести бремя и вести наш род. Быть его продолжением, так как ты оказалась недостойна. – С каждым ее словом я сильнее сжимала кулаки. – Этот нелегкий труд перешел ко мне, твоей младшей сестре, чтобы я смогла еще больше возвысить нашу фамилию. Посему прошу простить меня, но мне придется рано выйти замуж. За маркиза Сейторского, наследника рода. Как тебе известно, приличия не позволяют мне делать это раньше старшей сестры.

Я медленно закипала от такого извинения, однако это нормальное для Матильды поведение, весьма ей свойственное. Матушка ее разбаловала, постоянно ей потакая.

Мати всегда боялась разгневать родителей своими ошибками и зачастую сваливала свою вину на меня. Вспомнился случай, когда она решила проверить, как сын нашего конюха Брок объезжал коня. Я не смогла отпустить ее одну и направилась за ней, чтобы приглядеть. Родители строго-настрого запрещали нам ходить к конюшням, пугая тем, что лошади резвые и могут затоптать маленьких девочек. Когда мы пришли на место, Брок занимался непотребством с одной из служанок. Я сразу попыталась увести сестрицу подальше, но та заупрямилась, решив подглядеть.

– Ну что ты в самом деле, Анна, – шепотом говорила мне сестра. – Мы совсем чуточку, одним глазком, нас никто не увидит, – не слушая меня, продолжала гнуть свое, заглядывая в щель между досок стойла.

В тот самый момент мимо проходила наша тогдашняя учительница магии. Заметив нас через открытые двери конюшни, она закудаhtала, как курица, на что сестрица тут же нашлась с ответом:

– Так это Анна привела меня сюда, сказала, что коня нового привезли, вот и решила посмотреть, – нисколько не чувствуя вины за свое вранье, трещала Матильда.

Тогда мне пришлось оправдываться, говорить, что мы ничего не видели, только раздетого по пояс Брока. Что, собственно, и было правдой. Вот и сейчас Матильде взбрело в голову выйти замуж.

– Ты говоришь о замужестве с маркизом Сейторским? Разве отец дал тебе свое благословение?

– Да, буквально сегодня утром. Он разрешил сочетаться браком с Реем. – Мати задрала подбородок чуть ли не к потолку.

Нет, такого не может быть. Отец говорил, она еще слишком молода, ей всего семнадцать, и минимум год у меня еще был в запасе. Только не это! Этого не может быть!

– Это неправда, Матильда! – ужаснулась я.

– Правда, правда! Тебе отец уже подыскал несколько женихов на выбор...

О богиня! Нет! Я выбежала за дверь в надежде застать отца в кабинете, чтобы он опроверг слова сестры. Конечно же, я не против замужества, я только за. Но как, как это будет выглядеть?

Первая брачная ночь, муж шепчет нежности, а я только и слышу: «Убить, убить, надо убить!» Или плач ребенка. Сокрушающиеся голоса и эмоции, которые они передают. Этому не бывать. Это будет не жизнь, а мучение.

За годы, проведенные в пансионе, я быстро повзрослела. Чтобы выбраться оттуда, мне пришлось солгать. Первый раз солгать отцу. Я притворилась, что мне лучше, что меня больше не тревожат призрачные звуки и чувства невидимых людей. Отец, конечно, был очень рад. Профессора, маги и все те, кто меня лечил, подтверждали улучшение. Олухи и идиоты, недочки, мнящие себя мудрецами. Спустя пару недель моей лжи они оповестили отца о полном моем выздоровлении. Теперь отец да и все остальные думают, что я абсолютно нормальная молодая эйта. А то, что я не любительница светских приемов и болтовни со сверстниками, списывают на трудный характер. Тогда это был единственный способ покинуть ненавистный мне пансион. Собственно, другого выхода нет и сейчас. Рассказывать отцу и кому бы то ни было, что меня по-прежнему мучают головные боли, я не намерена. Сейчас все счастливы и меня не трогают. А со своим недугом я разберусь сама.

Я сбежала по лестнице на первый этаж и свернула к кабинету графа. Надеюсь, он еще не покинул особняк, не отправился по делам. Я постучала, открыла дверь. Сзади подлетела Матильда, оттолкнула меня в сторону и начала оглушительно щебетать:

– Отец, отец, скажи! Скажи Анне, что ты благословил меня и что ей нужно выйти замуж! – верещала она. – Скажи, что она обязана продолжить род. Что она не может вечно сидеть взаперти. Что подумают при дворе? – проскальзывали слова, напетые матушкой.

– Тише, Матильда, успокойся. Я же тебе сказал, что сам поговорю с Анной, а ты снова ослушалась.

Мати замолчала и опустила глаза в пол, но удержаться не смогла.

– Отец, это долго, а мне надо сейчас! – упрямылась сестра.

– Оставь нас с Анной наедине, закрой дверь. – Отец тяжело вздохнул и добавил, прикрикнув: – И чтобы не подслушивала!

Мати вышла, а я взглянула на уставшие глаза родителя. Он за последний год заметно осунулся, постарел, словно сам Всекарающий Ар вытягивал из него силы. Полгода назад отец покинул двор в связи с болезнью его величества и теперь нечасто посещал столицу. Он никогда нам не жаловался и не рассказывал, как тяжела его служба короне. Всегда был учтив и исполнял желания дочерей и любимой супруги.

– Не злись, дорогая, – проговорил отец, вставая из-за стола, пересаживаясь на мягкую козетку и предлагая мне сесть рядом.

– Как я могу, отец? Я думала, у меня есть время, ведь Матильда еще совсем юна. Вы говорили, что отдадите своих дочерей замуж не раньше их восемнадцатилетия.

Граф Каллийский взял мои руки в свои и чуть сжал их.

– Девочка моя, но тебе уже есть восемнадцать! Пора подумать о своей семье, – улыбнулся отец.

– Но я пока не хочу замуж! – повысила голос я.

– Анна, рано или поздно это произойдет, ты же понимаешь?

– Пусть произойдет поздно, отец. Я не готова. Придумайте что-нибудь, хотя бы дайте время смириться с этим фактом. – Я вскочила с дивана и заметалась по кабинету.

– Анна, прошу, ты же знаешь Матильду и свою матушку. Они, если что-то придумали, не успокоятся. А маркиз Сейторский приходил и просил руки Мати, я не мог отказать такому почетному гостю.

– Отец, я знаю, им тяжело противиться, особенно Мати. Она взбалмошная, неуравновешенная девчонка!

– Прекрати оскорблять сестру, Анна!

Я осеклась. Не могла держать свои мысли при себе, и бывало, из моего рта вылетали ругательства, что совсем не красит девушку, особенно в обществе. Но сдаваться сейчас я не собиралась.

– Вы можете сказать матушке, что, к примеру, меня никто не хочет брать в жены или еще что-нибудь в таком роде. Я не обижусь. А меня – послать в столицу, чтобы лишний раз не попадаться им на глаза, или, допустим, в академию... – Тут я вспомнила, что и в самом деле было бы неплохо попасть в столичную академию. Поговаривали, что там имеются знания, недоступные остальным. И возможно, я смогла бы найти там хоть что-то полезное для себя.

– Что ты такое говоришь, какая академия? – возмутился отец. – Ты дочь советника короля и получала знания от лучших учителей. Что тебе делать в академии, Анна?

А я всерьез задумалась. Действительно, мне бы попасть туда... Нет, конечно, не с целью учиться. То, что дают там для бытовых магов, я уже знаю. Отец приглашал в особняк профессоров для нашего с Мати обучения, она тоже бытовой маг, как и я. У меня же одна цель – вылечить себя или хотя бы чуть утихомирить свой недуг. Дать себе шанс на нормальную, относительно нормальную жизнь.

– Нет, отец, вы только подумайте, это отличный вариант оттянуть время замужества Матильды! – Я на ходу стала придумывать причину для отправки меня на учебу. Лишь бы отец согласился. – Смотрите, даже если я выйду замуж, Матильда не будет ждать своих восемнадцати лет, а уже спустя неделю начнет готовиться к своей свадьбе. Насколько я знаю, маркиз Сейторский заканчивает обучение и не раньше следующей весны будет создавать семью. А Мати... Мы все знаем Мати! Отец, она не сможет устоять и будет поторапливать жениха. А ему в преддверии экзаменов будет не до свадьбы. Он может решить, что с навязчивой невестой ему не по пути. Это может вылиться в скандал, отец.

– И что же ты предлагаешь, отправить тебя в академию?

Погруженный в размышление отец – это хорошо, это значит, я все правильно говорю. Он всегда был за то, чтобы договариваться, а не рубить с плеча. За это король и ценил его.

– Я предлагаю отправить меня в академию на факультет бытовой магии. На этом факультете учеба длится всего год. Как раз необходимое время для взросления Матильды и окончания обучения маркиза. Матушке и сестре можно сказать, чтобы повысить мои шансы на замужество, вы и отправляете меня за дипломом. Я не буду попадаться им на глаза, и все будут счастливы!

Отец оглядывал меня с ног до головы, пока я расхаживала по его кабинету и предлагала решение проблемы.

– И когда ты стала такой взрослой? – вздохнул отец. – Ну, допустим, я соглашусь, но, девочка моя, как ты там будешь? – Он стал подбирать более мягкие слова, чтобы не обидеть меня. – Я ведь знаю, как тебе тяжела публичная жизнь, и ты не любишь шум. Академия – это не тихий дом, это не твоя личная комната, в которой ты можешь скрыться, когда захочешь. Что уж говорить, скорее всего, ты будешь жить с соседкой, а то и не с одной.

– Конечно, я понимаю, отец, что это не дом! Если это единственное, что удерживает вас от принятия решения, могу заверить, как только мне станет невмоготу, я сразу же вернусь, и мы выберем для меня мужа. Обещаю!

Отец в который раз тяжело вздохнул, медленно поднялся с козетки и прошел за свой стол. Снова взглянул на меня, о чем-то размышляя и не говоря ни слова. Придвинул к себе миниатюрное пространственное зеркало для связи и вывел на нем символы вызова.

– Семион?! – раздался низкий голос с обратной стороны зеркала.

– Здравствуй, Ги́ла! Как ты, еще не сменил пост?

Громкий смех был ответом на вопрос отца:

– Ну, ты умеешь пошутить, Мион! Сам меня сюда усадил и только сейчас, спустя десяток лет, спрашиваешь, сменил ли я пост?!

– Но ты прекрасно справляешься и детей любишь. Кто как не ты, Гил? – улыбнулся отец собеседнику. – Я вот зачем, собственно, с тобой связываюсь. Скажи, прием в академию еще идет?

– Вчера был последний день. Завтра выдаем книги, вывешиваем расписание, ну и знакомимся с новенькими.

Я сразу поникла, поняв, что отец говорит с самим ректором академии и что шанс свой я упустила. На меня навалились опустошение и растерянность. Что делать дальше? А ведь был шанс, малюсенький, но был. Отец перевел взгляд на меня, застывшую истуканом посреди кабинета. Поджал губы и снова вернулся к приятелю.

– Послушай, Гил, окажи мне услугу. Сможешь найти еще одно место для моей старшей дочери на бытовом факультете?

Я затаила дыхание и прислушалась к ответу.

– Не беспокойся на этот счет, Мион. Ты бы мог и не спрашивать. Но разве твои девочки не прошли обучение?

– Прошли, но старшей хочется подтвердить свои знания дипломом.

И снова раздался смех с той стороны зеркала:

– Семион, ты, как всегда, не способен противостоять женщинам в своей семье.

Я не сдержалась и улыбнулась. Отец действительно очень добр и часто не может противиться натиску дочерей и супруги. Потому мы все неизменно его и любим.

– Хорошо, пусть приезжает к завтрашнему дню, я все организую.

Едва отец распрощался с ректором, я бросилась ему на шею, обнимая и целуя в щеку.

– Па! Вы самый лучший!

– Ну-ну, довольно, дорогая! Беги собираться. Сегодня вечером тебе надо выехать, чтобы к утру быть на месте.

Глава 3. Семейный раздор

В приподнятом настроении я поднялась к себе в комнату. Не раздумывая и не дожидаясь Джии, стала собираться в дорогу. В раздевальне раскрыла два чемодана и без разбора начала бросать в них платья. Серые строгие, бежевые в кружевах, синие с декольте и все, какие попались на глаза, – совсем не задумываясь, пригодятся они или нет. Запахнув в чемоданы половину гардероба, я развернулась к потайному шкафчику между полок с одеждой. Прошептала слова заклинания, и дверца раскрылась. Но, услышав шорох в спальне, я резко обернулась. Скорее всего, Джия уже прознала про мой отъезд и пришла, чтобы помочь со сборами. Быстро достав из тайника пузырьки с зельями и настойками, я спрятала их в мешочек, завязав его тесьмой. Открыв боковой карман одного из чемоданов, сунула туда свои запасы, предварительно наложив заклинание от повреждений.

– Анна-Лея! – прозвучало мое полное имя в исполнении сердитой родительницы.

Хорошо, что не стала произносить фамилию и титулы. Может, все не так страшно. С опаской и в ожидании нотаций я вышла к матушке.

– Здравствуй, мама. С праздником тебя. Прости меня, если я тебя огорчила чем-то, я делала это невольно, – опустила голову, демонстрируя смирение.

– Анна-Лея, как ты можешь так поступать? Что подумают люди? Это же просто невозможно себе представить, чтобы высокородная девица училась с остальными!

Остальными матушка называла девушек, которые по некоторым обстоятельствам не могут себе позволить учиться на дому. Неблагородное это дело – молодой уважаемой эйте проживать со всеми и посещать совместные уроки не только с девушками, но и с молодыми людьми. С отцом у них были вечные споры на эту тему. Какое-то время назад, когда отец еще находился при дворе и служил королю, он усиленно занимался развитием образования. Предлагал расширить образовательную систему и дать возможность учиться не только аристократам, но и детям простых потданных. С лозунгом «Каждый ребенок в королевстве должен уметь читать и писать!» он добился выделения мест для обучения за счет казны. Многие были не согласны с таким развитием событий и высказывали протесты. Вот и матушка не всегда понимала супруга, каждый раз сообщая ему об этом. Отец же по своей натуре любил всех детей вне зависимости от их положения. Такой добряк, но всегда достигающий своих целей.

– Ты в очередной раз ставишь семью в неудобное положение. Ты должна остаться. И вообще, что ты там будешь делать? Ты прошла обучение у лучших профессоров. Ничему новому тебя там не научат. Что за блажь?

Все это матушка выговаривала, шагая по моей комнате из стороны в сторону. В этой привычке мельтешить перед глазами собеседника мы с ней похожи. В остальном же я больше папина дочь. Карие глаза, светлые, ничем не примечательные волосы средней длины. Сама среднего роста, без выдающихся форм. Вполне обычная внешне. Мама и сестра, наоборот, красавицы с солнечными лицами и россыпями золотых волос. Стройные, высокие, знающие, что красивы.

– Ты меня слышишь, Анна-Лея? Это неприемлемо! Почему ты молчишь? Ты всегда так поступаешь, не задумываешься, как все это будет выглядеть со стороны!

Собственно, молчу я потому, что бессмысленно что-либо говорить и пытаться объяснить. Матушка на самом деле хорошая, она не желает зла ни мне, ни своей семье, но она зависима от мнения окружающих. От подруг, которые не могут принять изменения в мире и живут со старыми представлениями о нормах. Совместное с простолюдинами обучение вызывает у них ужасающий страх. Они не могут себе представить, что возможно жить в одной комнате со своей же служанкой и сидеть с ней за одним столом. В общем, они тоже не виноваты, что такие.

Им с детства матери, бабушки и, богиня знает, кто еще, внушали стереотипы о правильности поведения.

Графиня смягчила тон.

– Анна, ты действительно желаешь ехать? – наконец-то поинтересовалась она.

Я едва заметно кивнула:

– Так будет лучше, мама. Это же совсем недолго, всего год.

– Но, Анна! Твой отец говорит, что тебе нельзя будет брать с собой Джию. Как ты будешь без ее помощи?

– Мама, – подошла я к ней и обняла, – не волнуйся, я все умею сама. А если не справлюсь, то вернусь быстрее срока, – пыталась я успокоить родительницу.

– Даже не знаю, Анна, все это неожиданно и так скоро. Матильда будет расстроена, что ее свадьба отложится на целый год. Да и ты тоже не выбрала жениха из отобранных претендентов.

– Обещаю тебе подумать о кандидатах во время учебы и остановить выбор на лучшем.

– Ты вся в отца, невозможно тебя переубедить, всегда стоишь на своем. Если для мужчины это считается хорошим качеством, то для девушки совершенно неправильно. Молодая эйта должна быть мягкой, понимающей и заботящейся о своей семье.

Что уж тут скажешь, она права, меня не волнует разница в статусах, в денежном достатке. Все блага нашего мира меркнут на фоне моего желания тишины и спокойствия. Может быть, я эгоистка, но и упустить шанс хоть на какое-то понимание, откуда берутся голоса в моей голове, я не могу.

– Обещаю, что после обучения в академии постараюсь быть более покладистой и подумать о муже, которого ты одобришь для меня.

– Ты хотя бы сама веришь в это, дорогая? Впрочем, уже ничего не поделаешь, твой отец дал согласие на твое обучение, и изменить это я не в силах.

Дверь в комнату вдруг распахнулась, и в нее вбежала Матильда. Слезы на глазах, кусает нижнюю губу, вся в образе несправедливо обиженной жертвы. Всё против нее, мир потух и краски померкли.

– Ты! Как ты могла так?! – сквозь рыдания и напускную истерику возмущалась Мати. – Ты всегда так! Только о себе думаешь! Анне плохо? Анне нужен самый лучший целитель? Конечно, все будет! Что? Анне нужен лучший пансионат? Значит, будет! Анна не хочет ехать ко двору, значит, не надо ей ехать! Анна хочет в академию? Пожалуйста! Анна то, Анна это!..

– Вот же штырь! – выругалась я.

Она не играет, она действительно так считает. Думает, что мне все это нравится, что это очередная моя прихоть и делаю я это специально!

– Мати... – двинулась я к сестре, чтобы успокоить ее и объясниться, но она резко одернула меня и выскочила за дверь, громко хлопнув ею.

– Анна-Лея! Что за грубые выражения! – ужаснулась матушка. – Приличная эйта не должна так ругаться. В самом деле, что за нрав у тебя?

Ну что могу сказать, ругаться я умею не хуже нашего садовника. Стиго, убирая по осени листья, которые опадают без конца, выражается так, что ему могут позавидовать лучшие лингвисты королевства. Сейчас же я и не особо грубо высказалась. Подумаешь, штыря вспомнила! Это не такое уж и неприличное слово. Штырь – всего лишь насекомое. Один санитар в длину, черное, с непробиваемым панцирем. Тапком его не убьешь.

После засухи пять лет назад штыри выползли из-под земли и поселились в домах. Их невозможно вытравить. Никакие заклинания их не берут и отравы тоже. Они вгрызаются в деревянные перекрытия домов и живут там припеваючи, причем в прямом смысле слова: время от времени издают характерный скрежет, а если их становится чересчур много, начинается настоящее хоровое пение, исходящее от всех стен дома. Такие надоедливые и неубиваемые насекомые, от которых весьма трудно избавиться. Остается только разбирать перекрытия, сжи-

гать их и ставить новые. В общем, около пяти лет назад многим пришлось делать капитальный ремонт.

– Оставайся здесь, я сама с ней поговорю, – строго посмотрела на меня матушка и вышла следом за сестрой.

Мы с Матильдой никогда друг руга не понимали, хотя мы почти одного возраста. У нас разные интересы и круг общения. Она блистает на светских раутах и по сути живет так, как большинство девушек из высшего общества. День ее начинается строго в десять утра и не ранее, иначе пострадает свежесть лица. Предусмотрено еженедельное посещение салонов для девушек, в которых в обязательном порядке должна использоваться глина с Белого моря. Правильное питание и еще много всего того, что указано в очередной книге по этикету для высородных эйт. Моим же единственным увлечением на протяжении нескольких лет был поиск новых ингредиентов для зелья. Библиотеки, статьи из газет, просмотр архивов и прочих доступных мне источников. Возможно, я в чем-то и завидую сестре, точнее не ей самой, а тому, что у нее есть выбор. Выбирать самой, как провести свободное время. Увлечись молодым эйтом, который пригласит тебя в парк на прогулку или пикник. Может, украдкой поцеловать его в тени золотого дерева, а затем поболтать с подругами за бокалом элитного морса, привезенного из далекой и суровой Маркены. Однажды и у меня исполнится хотя бы одна из этих фантазий, но пока надо думать, как и из чего приготовить успокоительный отвар.

Оставшиеся до отъезда часы я провела в библиотеке. Времени было не так много, а новых ингредиентов я так и не нашла. Листала страницы книг, неоднократно читанных, словно надеялась найти там что-то новое. Настенное зеркало, вещающее на различные научные темы и содержащее архивные данные, больше раздражало, чем давало нужную информацию.

К ужину я спустилась в трапезную. За столом нехотя ковыряла вилкой в тарелке, косясь на свою семью. Матильда делала вид, что меня нет. Матушка чопорно отрезала ножом кусочек мяса, манерно подносила его ко рту и затем пережевывала ровно тридцать три раза. Я считала. Отец же время от времени вздыхал и пытался завести общий разговор, но никто не желал его поддержать. Отсидев эту пытку под названием семейный ужин, я поднялась к себе, в белые стены, единственным цветным пятном в которых был камин из серого камня. Вдоль стены по правую сторону стояли друг за другом собранные чемоданы. Я подошла к окну, на улице смеркалось. Тень от крыши особняка падала на землю и медленно ползла по стене дома еле заметным пятном. Мгновение спустя Жак зажег уличные фонари. Дорожка в саду осветилась желтоватым светом, а мой молчаливый собеседник за оградой подмигнул мне и прищурил глаз.

– Ну привет, – поздоровалась я и усмехнулась, глядя на образ человека в листве. – Я пришла попрощаться, – продолжила безмолвный диалог с другом, знающим все мои тайны. – Мне надо уехать, но я буду тебя вспоминать и думать о тебе. Обещаю, что, когда вернусь, в первую очередь навещу тебя. Скорее всего это будет уже в следующем году. Также обещаю, что не буду изменять и другого себе не заведу, – улыбнулась я, улавливая еле заметное колыхание ветвей, создающих иллюзию движения моего молчаливого приятеля.

– Эйта Анна! – прозвенел голос Джии за моей спиной. – Все готово для вашей поездки. Жак ожидает у ворот.

– Спасибо, Джия, сейчас спущусь.

Подойдя к двери, обернулась, окинула взглядом комнату и поймала себя на мысли, что скучать по ней я не буду.

Глава 4. Приезд в академию

Поездка до столицы обернулась бессонной ночью. Мое взвинченное состояние никак не давало уснуть. Прощание с молчаливым отцом. Матушка, которая решила напоследок напомнить мне, как подобает вести себя в обществе и что надобно держаться подальше от тех самых «остальных». Матильда же так и не вышла меня проводить, о чем я весьма сожалела. Чувство вины не покидало меня, хотелось всё ей объяснить: я это не специально, не из-за своих капризов. Но тут же останавливала себя, тем, что в конце концов это не такой большой срок, всего один год, и Мати данное время пойдет только на пользу.

Голоса, к счастью, сильно не досаждали, только создавали фоновый шум, не более. Жак по приказу графа составлял мне компанию в поездке, развлекая разговорами и воспоминаниями о моем детстве. Наш кучер Кларк ловко управлялся с лошадьми, каждый новый ухаб на дороге умело объезжал, делая поездку еще более комфортной. Я же, слушая то болтовню Жака, то цокот копыт, временами проваливалась в дрему.

– Эйта Анна, мы почти на месте, – наконец произнес управляющий. – Через несколько минут въедем в столицу.

В предвкушении я перевела стекла экипажа в режим одностороннего видения и с любопытством стала всматриваться в открывающийся пейзаж.

За окном шли люди. В разнообразных одеждах, с ярко выраженными различиями во внешности и иногда со смешными походками. Одни куда-то спешили вприпрыжку, другие медленно и размеренно топали по дороге, а третьи и вовсе глазели по сторонам и дивились увиденному. Надо сказать, посмотреть было на что. В столице я была несколько раз, но только проездом, когда мы с отцом держали путь в пансион. Но и тогда я не могла не заметить этого впечатляющего зрелища. При подъезде к городу приходится несколько часов ехать вверх по склону, где дорога постоянно петляет. Когда же добираться до вершины плоскогорья и подъезжаешь к досмотровому пункту, перехватывает дух! Справа от тебя – резкий спуск вниз, и взору открывается потрясающий вид на огромную долину, окруженную тысячелетними гигантскими горами с отвесными скалами. С другой стороны – молочная пелена Белого моря с выходящими из самой его глубины утесами. Между этих красот расположилась она – Морена, столица нашего королевства Интарии. Белоснежные крыши домов оттеняются ярким цветом золотого дерева, растущего здесь на каждом шагу. Редкая зелень, в основном у предгорья, теряется на фоне белого и золотого цвета. Не зря нашу столицу называют Белым золотом.

Вдалеке виднелись вырезанные из морского коралла стены королевского дворца. Шпиль на самой высокой его башне терялся в белизне облаков на ярко-синем небе.

– Сколько бы я здесь ни бывал, каждый раз не могу налюбоваться видом, – вздохнул Жак.

– Да... – не стала и я скрывать своего восхищения.

– Проезжай! Чего встал! – послышался грубый мужской голос с дороги.

Я оторвала взгляд от сказочного вида, когда перед глазами пронесся экипаж серебристого цвета с вензелями на крыше. Запряженная скакунами пегой масти карета проехала перед нами с такой скоростью, что из-под ее колес вылетали и ударялись о рядом стоящие экипажи мелкие камни. Неожиданно затормозив, она перекрыла дорогу не только нам, но и соседним повозкам. Моему возмущению не было предела! Нахальное поведение выбило из колеи, и я схватилась за ручку двери, чтобы выйти. Выставила одну ногу из кареты и застыла. Из экипажа, перегордившего дорогу, с разгневанным видом появился маркиз Сейторский. Его невозможно было не узнать, Матильда не единожды показывала качественную иллюзию своего теперь уже жениха. Я молниеносно забралась обратно на свое место и закрыла за собой дверь. Испугалась? Точно нет. Единственное, что мною руководило, это то, что ни с кем связываться и привлекать к себе внимание я точно не желаю, а с маркизом это неизбежно. К тому же он учится в академии, и

налаживать родственные связи с будущим зятем пока нет желания. Мне не нужны лишние разговоры, которые последую незамедлительно, если общаешься с высокопоставленными лицами.

– Рей, почему так долго? – послышался нежный голосок из экипажа маркиза, и следом в его окне показалась миловидная блондинка. Из-за стоявшей жары она обмахивалась розовым платочком. – Рей, когда мы уже приедем в твою академию? Я устала.

– Меледа, я тебе уже говорил, что со мной нельзя, ты будешь жить в городе. А сейчас скройся, не то личико на солнце потеряет цвет, – ответил маркиз девушке, проведя при этом по ее подбородку большим пальцем.

Она заулыбалась и исчезла в глубине кареты.

В следующий миг маркиз повернул голову и посмотрел в мою сторону. Я отпрянула от окна, совершенно забыв, что за затемненным стеклом с внешней стороны меня невозможно увидеть.

Наконец мы тронулись, спустя несколько минут проехали досмотровый пункт и медленно двинулись вниз со склона. Насколько я знала, Королевская академия располагалась за городом, точнее на его окраине. По словам отца, она очень большая. Он говорил, что несколько лет назад начальное образование стали получать все дети в стране, и пришлось увеличить ее размеры в несколько раз. Отец говорил, это только начало и такие новшества в учебных заведениях будут со временем по всему королевству. Мне нравилась эта идея и то, как горели его глаза. К сожалению, плохое самочувствие короля временно отодвинуло планы отца до лучших дней.

Наша карета плавно катилась по гладкой брусчатке, потому разморенный поездкой Жак, открыв рот, преспокойно посапывал в усы. Я же боялась закрыть глаза и вслушаться в свой внутренний мир, опасаясь, что на время притихшие голоса снова дадут о себе знать. Отвлекала себя, рассматривая улицы города. Вдоль широких тротуаров над магазинами и салонами светились рекламные иллюзии. На крыше одного здания то возникала, то пропадала расческа с ножницами, у другого – разноцветные пирожные. У тех, кто не скупился на рекламу, были установлены весьма реалистичные иллюзии. Так на одном из развлекательных салонов во всю его длину шла проекция морского дна и его обитателей. После деревенской жизни такое обилие цветов вызвало у меня головокружение. Мельтешащие люди стали сливаться в нечто неразборчивое, размытое. Я перевела окно в темный режим. Отстранилась, откинувшись на спинку сиденья.

Наверное, я задремала – Жак стал меня тормошить и сообщил о нашем прибытии.

– Эйта Анна, мы на месте. Ваши вещи уже отправлены в распределительный зал. Документы для поступления у вас?

– Что? А... да, да, прости, Жак, все у меня в сумочке. Спасибо тебе огромное за компанию. Ты, может быть, остановишься в городе, передохнешь, а уже завтра отправишься обратно?

– Что вы, молодая эйта, не беспокойтесь, я не устал, да и граф просил сразу же возвращаться.

– Хорошо, Жак, как знаешь.

Распрощавшись с управляющим, я повернулась к высокой каменной стене, тянущейся в обе стороны от меня. В нескольких метрин³ от себя увидела ажурные кованые ворота, к которым и направилась. Пройдя всего пару шагов, остановилась, прислушиваясь к своим ощущениям. Что-то не так. Тишина. Слишком тихо. словно попала в замкнутое пространство. Не слышен шелест деревьев, хотя и видно, как от ветра подрагивают их листья. Под ногами промелькнул рыжий кот и беззвучно скрылся в высокой траве. Я перевела взгляд на ворота. Они оказались дальше, чем были до этого. Мое беспокойство усилилось.

– Что за штырева магия творится здесь?

³ Метрин – расстояние, равное одному метру.

Я обернулась на подъездную дорогу. По ней к академии шли два парня. Смеялись? Нет, они громко и во весь рот ржали, глядя на меня. Только дело в том, что я совершенно их не слышала. Я снова посмотрела на ворота, которые почти скрылись из вида. И тут меня похлопали по плечу. Я вздрогнула и резко обернулась. Передо мной стояли два одинаковых человека. Парни, только что находившиеся в десятках метрин от меня, теперь стояли рядом и были абсолютно похожи. Один из них, тот, что немного уже в плечах, стал усиленно жестикулировать. Я отшатнулась и показала им, что ничего не слышу. Махала руками и пыталась объяснить, что ворота переместились и я вообще не понимаю, что происходит. Второй парень, пошире, устал от наших телодвижений, взял меня под руку и потащил к входу в академию. Сделав буквально десять шагов, я закричала во весь голос! Передо мной внезапно возникли те самые ворота!

– Ну чего ты орешь?! – заговорил первый парень, закрывая уши, а второй, державший меня, отпустил мою руку и скривился. – Так и оглохнуть можно.

– Я вас слышу! – обрадовалась я, рассматривая уже не таких одинаковых, но все же очень похожих ребят.

– Понятно, новенькая! Меня зовут Канаш, а этот великан мой брат-близнец Калтан, – указал он на второго.

– Анна, – представилась я и спросила: – Что это со мной сейчас было? Почему я ничего не слышала? И ворота, они были далеко, а сейчас...

– Так это защитный периметр на расстоянии в десять шагов вокруг всей академии. Заклинание не впустит чужака с плохими намерениями, но, да, у него есть и негативный момент, оно блокирует звук и запутывает пространственное видение. Одни видят ворота вдалеке, другие вблизи, но, протягивая руку, чтобы открыть их, натываются на пустоту. Это уж у кого как работает подсознание.

– Канаш, давай быстрее, снова будем последние, – пробасил второй брат.

– Точно! – спохватился парень, беря меня под локоть и протискиваясь в приоткрытые ворота. – Медлить нельзя, набегут молодые и дерзкие, разозлят нашу Тучку. Она хоть и добрая, но после новеньких станет шипеть без повода, – говорил Канаш мне, словно я знала, о чем идет речь.

– Постой, не тяни меня! – попыталась я вырваться из захвата. – Мне нужно в административный корпус, чтобы оформиться и... – Я оглядела местность перед собой.

Огромная площадь перед многочисленными зданиями академии была до отказа заполнена студентами. Шум, гам, крики и грохот доносились со всех сторон. Мне показалось на секунду, что я очутилась прямо в своей собственной голове. По правую руку от меня бежали две девушки в ярко-синей форме с вышитой на груди маленькой звездочкой. Слева, чуть поодаль, весело обсуждая что-то, стояла группа студентов в желтых и коричневых одеждах. Одна эйта из этой компании захлопала в ладоши и радостно завизжала оттого, что какой-то профессор будет вести у нее предмет. Впереди же, передо мной, пестрело бесконечное море хаотично движущихся студентов. У меня пересохло во рту. Может, отец был прав, для меня это слишком и я преувеличила свои возможности вынести такое количество людей рядом с собой?

– Мы туда и идем, – отрезал гигант.

Какой-то он чересчур прямолинейный и совсем не такой шустрый, как первый.

– Да ты не беспокойся, мы сейчас тебе и бесплатную экскурсию устроим по пути. – И Канаш снова подхватил меня под локоть и потянул вперед. – Вон видишь то светло-зеленое здание, самое последнее – это детский корпус, там малышня учится. Правее его – площадка для прогулок, туда не разрешено ходить после того, как последний курс оставил там бардак из разных неприличных вещичек. – Он посмотрел на меня и задвигал бровями вверх-вниз.

О богиня! Видела бы сейчас этих парней моя матушка, она тут же забрала бы меня из этого полного разврата места. Странно, но мне стало весело. Жизнь у этих братьев кипела, и они не беспокоились о том, кто и что о них подумает. Наплевав на манеры, они тянули меня

вперед по широкой дорожке, забыв о всяких приличиях, не удосуживаясь даже использовать уважительное обращение «эйта» перед моим именем. Мне нравилось.

– Справа, как ты видишь, расположены здания академии. У каждого факультета свой цвет одежды. Фиолетовые – стихийники, желтые – металлисты, или умники, как мы их называем. Вон те синие – целители, в основном это ведьмочки, – как-то с придыханием проговорил Канаш, указывая на девушек в яркой форме с вышитой звездочкой, но продолжил: – Бурые – боевики, бытовики – серые. Так, вроде никого не забыл. А ты, собственно, на какой факультет поступила? – любопытствовал он.

– На бытовую магию, – непринужденно ответила я, не отрываясь рассматривая разноцветную форму студентов.

Перед нами прошла высокая худая девушка в черном.

– А черная форма – это чья?

– Это самая многочисленная ветка студентов. Они некроманты, смурые и неразговорчивые представители нашего мира.

– Оттого и ценные для королевства, – сказал Калтан.

Кажется, я начинаю их различать.

– Ты не похожа на бытовика, – внезапно сменил он тему.

– Почему же? – удивилась я, глядя на этого высоченного парня.

– Сразу видно, что ты не из простой семьи, – поддержал брата Канаш. – Добротная одежда из дорогой ткани, которую делают только в Маркене, так как у нас не живут ивники. К тому же крой высокой четкости, строго по линиям и изгибам твоей фигуры. Это же очевидно.

– Обувь из прочной и гибкой пены не могут позволить себе простолюдины, – добавил великан.

– Слушай, тебе не жарко в велюровой накидке? – подметил Канаш.

От удивления я посмотрела на парней новым взглядом. Одеты в форму бурого цвета. Ага, значит боевое отделение. Возраст трудно определить, но они явно не с первого курса, то есть не новички. Разбираются в нарядах? Разве парни и тем более боевики изучают направления моды? Даже если и так, далеко не все знают, что именно ивники Маркены делают прочную паутину для дорогих тканей, а о гибкой пене знают вообще единицы, эта разработка появилась совсем недавно и известна только в узких кругах.

– Ты, конечно, выбрала неприметный серый цвет одежды, – продолжил Канаш, – что необычно для высокородных эйт, но знающий человек легко тебя раскусит. Поэтому, если ты надеялась таким образом скрыть свое положение, должны тебя огорчить, не получилось. Даже если у тебя небольшой дар, хорошее пожертвование академии помогло бы утвердить тебя на другой, более престижный факультет.

Парни правы, бытовая магия по большей части для простых людей. В основном они занимаются портным делом, другими ремеслами или земледелием, ведь такие занятия не для высшего общества. Но парни же не знают, что я приехала не для учебы.

– Я вовсе не пыталась скрываться... – начала было опровергать их предположения, но потом передумала.

С какой стати мне оправдываться, пусть думают что хотят.

– Да ты не дергайся, нам все равно, кто ты, хоть сам Всекарающий Ар. Мы же с братом оборотни и хорошо чувствуем эмоции людей.

Оборотни? Только этого не хватало. Они сверхчувствительны к запахам. Различат даже малейший страх.

– Не пугай девушку, Канаш. Ты не бойся, Анна, мы не лезем с расспросами, и тайны твои знать нам не надо.

– Ну, а если захочешь ими поделиться, мы к твоим услугам, – добавил шустрий.

Интересно, как я надеялась в течение года сохранить отстраненность и не общаться без надобности с учащимися академии, если уже первые встреченные студенты вычислили, что у меня высокородное происхождение? Так, надо прекращать наше знакомство и идти дальше одной.

– Слушайте, спасибо вам за помощь, но дальше я сама.

– Так мы уже пришли, дорогуша, – хихикнул Канаш и опять потащил меня вперед. Мы стали взбираться по белоснежным ступеням. – Это административное здание. Оно самым первым было построено, потому и отличается от остальных древностью архитектуры, – продолжил он, открывая передо мной дверь и не давая даже рассмотреть раритет. – Справа деканат, – махнул он в том направлении. – По лестнице вверх – комнаты преподавателей, нам туда не надо. А вот слева, слышишь?..

Я прислушалась. Из коридора по левую сторону от нас доносился странный гул. Вдруг оттуда же раздался оглушительный, разъяренный визг:

– Молча-а-а-ать!

У меня зазвенело в ушах, мой личный шум в голове, кажется, стих. Следом громко и внятно продолжили вещать:

– Никому не двигаться, не шушукаться, не чихать, не чесаться и даже не дышать. Ясно?!

– Ты смотри, Калтан, нашу Тучку все же рассердили. Пойдемте быстрее, хочу это видеть.

Парни, не сговариваясь, двинулись вперед, забыв про меня.

– Не отставай, Анна, а то все пропустишь.

Что пропущу, я не понимала, но мое любопытство уже бежало впереди близнецов, мне же пришлось догонять эту троицу.

Пролетев по прямому коридору и свернув за угол, я очутилась в большом зале. Вдоль его стены стояли студенты в форме различных курсов, но были и такие, как я, в повседневной одежде. Я перевела взгляд в центр зала и не поверила своим глазам. Возле длинного стола с кучей документов на нем, расправив огромные кожистые крылья, стояла, скаля острые клыки, самая настоящая демоница. Красный оттенок ее кожи, змеиные глаза и огромные когти на жилистых руках вызывали страх. Я рефлекторно схватила за руку Канаша, ища у него защиты.

– Открою тебе маленький секрет, – наклонился ко мне и прошептал на ухо парень: – Она добрая, просто пугает новичков, чтобы вели себя спокойнее и не мешали остальным.

Я посмотрела на него, а потом на красное чудовище. Честно сказать, я засомневалась в правдивости его слов. Но мгновение спустя угрожающие крылья в несколько метрин стали складываться за спиной демоницы. Кожный покров постепенно менял свой цвет на более естественный для людей, а выпирающие клыки и вовсе исчезли. Теперь перед нами за столом сидела обычная дама с пышными формами. Пухленькая, миловидная шатенка с уложенными в высокий пучок волосами. Поправив одной рукой прическу и прокашлявшись, она заговорила:

– Милые дети, ведите себя тише, вас много. Мы с Клотильдой, – покосилась она на свою коллегу, – не слышим самих себя. Итак, кто следующий? Подходите, расписывайтесь в документах, берите расписание, ключ-заклинание для входа в комнаты и пропускайте следующих, – тоненьким голоском пропела женщина.

– А почему Тучка? – шепотом спросила я у парней.

Демоница тут же, прищурившись, уставилась на меня.

– Потому что грозовая, но при этом добрая, – пояснил Канаш, и вновь меня подхватили и потащили к Тучке. – Не мешаем, Анна. Пока молодежь отходит от увиденного, можно проскокить без очереди, иначе стоять нам тут до вечера.

– Куда это вы? – растолкав нашу компанию, втиснулась между нами хрупкая рыжеволосая девушка. – Совсем обнаглели старшекурсники. Чего смотришь? Ведьм никогда не видел? – прожигая взглядом Канаша, снизу вверх смотрела на него девица. – Не зли меня, прокляну.

Твоя зазноба могла бы и подождать своей очереди, – тыкала она в меня пальцем и шумела, совсем не боясь краснокожую распорядительницу.

– Я вовсе не его зазноба!

– Да мне безразлично, кто ты ему, – фыркнула девица.

На такое хамство я бы уже тысячу раз ответила в обычной жизни, но я дала себе слово не ввязываться в скандалы и быть менее заметной. «Вот же проклятие, штырева броня наизнанку!» – ругалась я про себя, пытаясь удержаться от продолжения сцены у всех на виду.

– Как мы можем не пропустить вперед такую красавицу? Как тебя зовут, рыжик? – переключился Канаш на девушку.

– Еще раз рыжиком назовешь, точно проклянута, понял? – не поддалась на лесть бесстрашная ведьма. Развернулась к демонице и гордо произнесла свое имя, вздернув нос, покрытый веснушками: – Климентия Вир!

– Распишитесь, получите, – автоматически проговорила крылатая женщина и протянула ей листок с расписанием и шарик с ключом-заклинанием. – Комната номер триста пятьдесят, третий этаж, третье здание от третьего поворота налево, – добавила она. – Следующий!

– Анна-Лея Каллийская, – тихо проговорила я, надеясь, что стоящие рядом не услышат.

Мне передали листок и ключ-заклинание:

– Комната номер триста пятьдесят, третий этаж, третье здание от третьего поворота налево.

– Да не может быть! – послышался за мной голос ведьмы. – Вот же наградила судьба соседкой.

Кажется, Климентия измерила меня взглядом с ног до головы и, словно сжалившись надо мной, сказала:

– Ну что, бедолага, пойдем, будем вместе искать нашу комнату.

«Не злись, Анна, не злись», – успокаивала я себя. Сжала кулаки, улыбнулась и пошла вперед, обдумывая, как поставить наглуую девицу на место.

Глава 5. Испытание силы воли

Наконец войдя с ведьмой в нашу общую комнату, я громко захлопнула за нами дверь и только открыла рот, как услышала:

– Ух ты! Ты сейчас это серьезно? – Рыжая повернулась ко мне. – Будешь вправлять мне мозги, учить, как надо разговаривать с благородной эйтой? Подожди, я удобней сяду. – Соседка церемонно разместилась на кровати и сложила руки на коленях, смиренно опустив голову. Вот же позерка.

Да ей в актрисы королевского театра надо, а не в академии учиться. У меня исчез весь запал, который я поддерживала в себе весь путь до комнаты. Я действительно собиралась учить уму-разуму несносную ведьму, вместо того чтобы взять и просто отлупить хамку. Вот же проклятие! Недоделанный гоблин! Я решила поступить так, как всегда поступала моя матушка, – лезть со своими нравами и нормами. Конечно, воспитание родителей накладывает отпечаток на взгляды детей, но я-то полагала, что меня это обошло стороной, что я далека от всех этих... манер.

– Нет, – наконец выдохнула я.

– Что, правда? – усомнилась Климентия.

– Правда. Но у меня к тебе просьба.

Девушка внимательно на меня посмотрела.

– Я буду тебе благодарна, если ты не станешь втягивать меня в скандалы. Мне хотелось бы спокойно учиться без лишнего внимания других студентов. Я и с Калтаном и Канашем познакомилась только сегодня. Толком их не знаю, кроме того, что они близнецы и учатся на боевом.

– Ты что же, зубрилка? Не будешь даже на вечеринки ходить? Сплетни слушать – это же святое в нашем возрасте!

«Да-а, этой ведьмочке такт не свойственен».

– Нет. Я не хочу, чтобы меня трогали, и я трогать никого не буду. Люблю тишину и покой, – решительно пресекла я дальнейший диалог, разворачиваясь к своей кровати, рядом с которой уже стояли мои чемоданы, а серая форма и учебники ровной стопкой лежали на покрывале.

– Ой да брось ты! Тебе же было весело, глаза горели от чего себя обманывать. Несмотря на то, что ты из богатеньких... – Ведьма показала рукой на всю меня, а я помянула штырей.

Да что это такое? Я такая везучая и постоянно натываюсь на самых умных?

– Ты вполне себе нормальная. Так почему бы нам не совместить полезную и важную учебу с вечеринками? Ты на какой факультет поступила?

– На бытовой, – машинально ответила я, открывая первый чемодан.

– Тем более! – воскликнула Климентия. – Всего один год! Это ничтожно мало, нужно его прожить так, чтобы было ВСЕ! И первый неуд в противовес отличной отметке, и первый поцелуй, и подрасться за свою честь не забыть. Потом нужно успеть влюбиться, затем разочароваться и снова влюбиться. Между этим, если повезет, стать героем академии и выйти замуж за принца, – наконец закончила она.

– Так принц женат, и дети имеются, – усмирила я пыл ведьмочки.

– Какой принц? – не поняла она.

– Ну как же, принц Этиль, герцог Дигорский, – поделилась я знанием.

– Ну так это наш, – отмахнулась Климентия. – Я про других, неженатых. Впрочем, можно и не за принца, мало ли хороших парней, – вдруг снизила планку ведьма. – Короче, мы с тобой это еще обсудим, обязательно. Потому как то, что ты себе придумала, ни с кем не общаться, это все глупости. В любом случае ничего у тебя не выйдет, это же Королевская академия! –

обнадежила меня соседка. – У нас мало времени до общего сбора. Кто первый пойдет в умывальню, ты или я?

– Иди ты, я пока вещи разберу. Постой, а какой сбор?

– Нет, однозначно ты без меня пропадешь, – постановила она и продолжила: – Сбор в общем зале по случаю нового учебного года. Знакомство с преподавателями, с правилами поведения в академии. К слову, эти правила никто не соблюдает, несмотря на то, что все раз за разом получают за их нарушение штрафные баллы. Ну в общем, на сборе скучно и неинтересно. Единственное – можно увидеть красавчиков-выпускников с боевого. Говорят, впечатляющее зрелище.

– Откуда ты все это знаешь? – удивилась я ее познаниям.

Соседка тем временем скрылась в умывальне.

– У меня сестра год назад получила диплом, а когда училась, много рассказывала про академию! – крикнула она из-за двери. – Так что ты не теряйся, разберемся со всеми проблемами и некоторые сами подкинем, для интереса!

Климентия говорила и говорила, без умолку, например, про обязательное посещение звенища для студентов академии. Бытовикам вроде тоже раз или два за год должны давать туда доступ. Мы, то есть студенты бытовой магии, должны знать, как правильно и безопасно избавиться от насекомых, зверей, которые могут завестись в хозяйских домах. Затем она уверяла, что я должна пойти в город и побывать в самом большом в королевстве иллюзорном доме. Вроде как там собраны все экспонаты живых существ, когда-либо населявших наш мир. Говорила про вечеринки и многое другое. Я все это слушала и разбирала свои вещи. Смятые за поездку края платьев отпаривала заклинанием «теплый воздух», и они тут же принимали должный вид. Раздевальни здесь, конечно, не предусмотрено, но по одному одностворчатому шкафу у каждой студентки имелось. Створка моего нещадно скрипела и начинала раздражать с каждым разом сильнее и сильнее. Чинить двери профессора, назначенные отцом для моего обучения, меня не научили, считая это неженским занятием. А как кстати это было бы сейчас. Зато мы с Матильдой знали около десятка разных методов того, как отчистить или выгладить платье, обновить макияж, прическу, временно улучшить цвет лица, и всякую подобную ерунду, от которой меня постоянно клонило в сон. Особенно если перед этим была бессонная ночь.

– О чем задумалась? – Соседка уже вышла из умывальни и пыталась высушить мокрые волосы при помощи магии, только у нее это плохо выходило.

– Что? – переспросила я, не услышав вопроса.

– Ты долго будешь собираться, ждать тебя или нет?

– Да, я быстро, подожди, – ответила и, схватив полотенце, побежала ополоснуться.

Спустя время мы, бодрые и посвежевшие, стояли возле административного здания. Сейчас я уже внимательнее разглядывала и вправду кардинально отличавшееся от других главное здание академии. Высокие колонны с ажурными вставками золотого цвета поддерживали крышу над входом. Само здание было цвета белой ракушки с оттенком перламутра. На крыше красовались мраморные статуи всех существ, населяющих наш мир: людей, оборотней, эльфов, демонов, гномов, фей и многих других. По центру на возвышении стояли фигуры богов – Всемилостивая Ора и Всекарающий Ар, сплетя руки, держались за шпиль, уходящий в небо.

– Ты куда? Нам под лестницу, – остановила меня Климентия, когда, войдя в здание, я повернула налево, к уже знакомому залу.

В коридоре шумели и носились туда-сюда студенты. От такого насыщенного событиями дня у меня начинала гудеть голова. Я потеряла виски.

– А разве зал не там? – показала я в левую сторону.

– Нет, ты что, там и четверть всех учеников не поместится. Главный зал под лестницей. Вон, видишь! – махнула рукой ведьмочка.

И действительно, широкие двери в зал сейчас были открыты, тогда как в первый раз я их даже не заметила.

Мы вошли в огромное помещение. Я остановилась чуть с края от входа и стала рассматривать интерьер. Почему-то пришла в голову мысль о том, что даже в королевском дворце не найдется такого большого зала. К слову сказать, в королевском дворце я не была ни разу. Хотя нет, один раз все же была, но знаю это со слов отца, сама не помню. Мне было года четыре, может, и того меньше. Отец взял меня с собой, так как король Валентайн III захотел познакомиться с дочерьми своего советника, но на тот момент Матильда заболела, и отец взял меня одну. В общем, я ничего не помню, видимо, мне было неинтересно и в детской памяти не отложился тот визит. Матильда же после бывала во дворце не единожды, но уже после четырнадцати лет, когда стала вхожа в свет. Я же в это время прекрасно проводила свои дни в пансионе.

– Ты чего здесь встала? – отвлекла меня Климентия от созерцания расписных стен зала, на которых были изображены различные исторические события: битва за Белое море, чуть дальше – миф о появлении нашего мира, еще дальше – великий поединок в Долине успокоения и многое другое. – Подойдем ближе, а то ничего и никого не увидим, – схватила меня за руку ведьмочка и потащила вперед.

Кажется, они с Канашем чем-то похожи.

– Уважаемые студенты! – заговорила вышедшая на сцену красивая, высокая эйта на вид лет тридцати, в строгом приталенном жакете. Провокационные брюки, хотя и широкие, как юбка, откровенно подчеркивали крутой изгиб ее бедер. Прямые темные волосы спадали до пояса, и только яркая переливающаяся заколка сдерживала их объем.

Из зала стали доноситься вздохи парней, кто-то присвистнул, а кто-то застонал. Да уж, в самом деле женщина смелая и явно не боится осуждения окружающих. Брючные костюмы осмеливаются носить далеко не все дамы королевства.

– Прошу тишины! – продолжила она. – Меня зовут Ретавия Верг. Я профессор, преподающий основы бытовой магии, – представилась красавица. – Рада приветствовать вас в стенах Королевской академии!

– Да! Да! – Огромный зал взорвался тысячами голосов и аплодисментами.

– Смотри, Анна, эта Верг – твой главный преподаватель. Да она просто красotka, наверняка ведьма, – сказала Климентия.

От завываний, свиста и прочих выплесков эмоций у меня усилилась головная боль. Я стала тереть виски, сжимая их все сильнее.

– Вам многое предстоит изучить и понять в этих стенах. Многое узнать и в последующем применять это в выбранных вами профессиях. А сейчас прошу поприветствовать ректора нашей прекрасной академии Гилатера Гурского!

Снова и снова аплодисменты, и знакомый мне голос ректора, усиленный магией слова, раздался в зале. Я не вслушивалась и даже перестала пытаться что-то понять. Меня накрыла паника – из-за того, что ноющая боль в затылке, в висках и, кажется, уже перешедшая ниже, к шее, никак не отступала. Скрипя зубами и сжимая кулаки, я ждала окончания монолога ректора в надежде быстрее вернуться в комнату и выпить свое зелье. Как назло, глава академии и не думал заканчивать. Он стал представлять преподавателей.

– Прошу поприветствовать профессора исторических наук Максимилиана Леру! – Ректор указал на коренастого мужчину средних лет с весьма внушительным животом, который тот не особо успешно пытался скрыть под широкой мантией. – Найт Крам, профессор боевой магии, и, конечно, его лучшие ученики! – продолжил ректор, а я взмолилась богине о милости.

– Ты посмотри, соседка, какие... Аж дух захватывает! – толкнула меня в плечо Климентия.

Я перевела взгляд чуть правее, где в два ряда выстроились те самые лучшие ученики с боевого курса. Все высокие как на подбор, широкоплечие, в форме бурого цвета. Они сливались друг с другом, настолько были похожи, – словно близнецы.

– О нет... – со вздохом разочарования протянула Климентия и возмутилась: – Как же так? Как такой идиот может быть лучшим учеником у Крама?

Из второго ряда выдающихся студентов нам с ней махал Канааш, а рядом с ним стоящий Калтан кивнул приветствуя.

– Профессор и декан факультета целительства и зельеварения Пантия Странк, – объявил ректор, и моя соседка моментально переключилась с прожигающего насквозь взгляда, направленного в сторону Канааша, на восхищенный, в сторону профессора целительства.

– Она самая лучшая в мире, она столько всего знает, у нее почетный титул «Великий целитель времен» от самого короля Валентайна III, она, она... Мне не верится, что я буду учиться у нее, – пела она дифирамбы своему кумиру.

Ректор все продолжал и продолжал знакомить нас с преподавателями и не собирался заканчивать. Мое терпение подходило к концу. «Думаю, я вернусь домой быстрее, чем надеялась, мне трудно, очень трудно переносить столько шума, непривычно такое внимание и бесконечная суэта. Нет, нет... Мне надо хотя бы попытаться разобраться, а не пасовать перед первыми же трудностями», – подбадривала я себя, не переставая. Закрыла на доли секунды глаза, пытаюсь унять желание сдаться и сбежать в первый же день обратно в белую комнату с серым камином.

– Профессор некромантии Дар-Кан Арк! – представил следующего преподавателя ректор академии, и вдруг я четко почувствовала на себе пристальный взгляд.

Открыла глаза, огляделась по сторонам. Подняла глаза на сцену и столкнулась взглядом с некромантом.

– Он жутковатый, правда? – тихо спросила Климентия. – Но это нормально для них.

– Почему? – уточнила я, продолжая смотреть на профессора.

Черная мантия до пола, металлические пуговицы в два ряда и массивные сапоги. Высокий, слегка худощавый, с темными волосами до плеч. Он смотрел на меня, прищурился одним глазом. Я все-таки отвела взгляд, испытав непонятное, незнакомое чувство растерянности. Правда жутковатый.

– Почему? Да кто их знает, они же с мертвецами общаются. Живут словно отшельники, ни с кем не дружат, бродят по академии, как привидения. Разговаривают только со своими, короче, не от мира сего. Как и ты, не желают, чтобы их трогали, – хихикнула ведьма, а у меня только громче загудело в голове, и я не выдержала.

– Послушай, я пойду, голова болит. Ты мне потом все расскажешь, договорились? – с трудом проговорила я и, не дожидаясь ответа, направилась к выходу.

Не заботясь о том, что мой уход могут отметить преподаватели, я проталкивалась сквозь море студентов к заветной тишине. Но, видимо, Королевская академия или сами боги решили продолжать испытывать меня на прочность. Едва я переступила порог зала, как меня остановили двое парней.

– Кто это у нас здесь, а, Заг? – обратился один к другому, загораживая мне проход. – Похоже, кто-то решил скрыться пораньше и не выслушивать болтовню нашего замечательного ректора. А, Заг, как думаешь?

Я с яростью взглянула на них и уже вспомнила полный лексический набор нашего садовника, как вдруг вздрогнула от увиденного. Передо мной стоял сам Рей Сейторский, будущий муж моей сестры. Одетый в фиолетовую форму стихийников, он, постукивая указательным пальцем по своей щеке, осматривал меня, словно под увеличивающей матерью призмой. Мне показалось или он меня не узнал? Скорее всего так и есть. Не думаю, что он интересовался иллюзиями нашего семейства.

– Рей, да она, похоже, из знати, – заговорил второй парень.

– Похоже на то. А может, просто из выскочек, разбогатевших за счет коралла? А ну-ка, милая, скажи, как тебя зовут?

– Простите, я спешу, – обошла я парней, сделала шаг, и снова мне преградили путь. Да что же это такое!

– Ты что себе позволяешь, безродная девка! Ты знаешь, с кем говоришь? – возмутился Рей, а я ошеломленно взглянула на него.

Ну ничего себе у меня зять! Это же надо сколько спеси и самолюбия в одном человеке. Как он еще доучился в академии до последнего курса и не подавился, живя рядом с простым человеком, или... Мне только сейчас пришло в голову, что он в целом прекрасно живет, так как никто и никогда не осмеливался ему перечить. Если он и задевал студентов, то они и не думали ему возразить.

– Оставь ее, Рей, пошли, нас уже ждут. Нашел, кого поддевать. Или она тебе понравилась? – засмеялся его друг.

– Что?! Я еще не слепой, Заг! Да ладно, проваливай, не до тебя сейчас, – отмахнулся от меня будущий родственничек и вместе со своим спутником направился в зал.

Ну что тут скажешь, голова болит нещадно, до тошноты, и я ускорила шаг, почти бегом добралась до комнаты и мигом выпила свое успокоительное. Сев на кровать, прислонилась спиной к стене. Закрыла на секунду глаза, пытаюсь расслабиться и дать зелью быстрее распространиться по телу. Немного успокоившись, задремала. Но очнулась от внезапного давления, словно лежу под толщей воды. В глазах будто песок, не могу проморгаться, во рту пересохло. Прищурившись, обвела взглядом комнату и только тогда осознала, где нахожусь. Напротив меня на своей кровати мирно посапывала Климентия. В умывальне, действуя на нервы, капала из крана вода, а искусственная ткань шторы шелестела от ветра, сопровождая пение кота за окном.

К парадму раздражающих звуков добавились и панические крики, стенания неизвестной девицы в моей голове:

– О Всемилостивая Ора! Пусть он отстанет! Прошу... прошу... О боги! – взмолилась она, не сдерживая рыданий.

– Замолчи, замолчи! – вскрикнула я в ответ.

Климентия заворочалась на кровати, просыпаясь. Я подскочила, набросила халат и выбежала в коридор.

Глава 6. Первый неуд и скандал

Утро я уже встретила в умывальне, в очередной раз брызгала себе в лицо холодной водой, чтобы взбодриться.

– Ты чего там застряла! Давай быстрее, скоро первое занятие, – прозвучал стук в дверь и голос Климентии. – Почти всю ночь там торчишь.

– Иду, извини... – Я закрутила кран, промокнула полотенцем припухшие глаза. Выпила очередную порцию зелья и вышла в комнату.

– У тебя все в порядке? – спросила соседка.

– Да, спасибо, – выдавила я улыбку.

Ведьмочка покосилась на меня, нисколько мне не поверив, но промолчала.

– Называй меня Климой, раз уж нам с тобой целый год вместе жить, а то Климентия слишком длинно.

Я кивнула и стала собираться на занятия.

Мы с Климой вышли из комнаты ровно за десять минут до звонка. И, если бы не ее осведомленность о том, в каком из зданий проходят лекции, я бы не нашла дорогу так быстро.

– Так, все, у тебя первая лекция по артефакторике. Это на втором этаже, двести пятый кабинет. Сегодня занятия у нас раздельно, но в час – обед, встретимся в столовой. Она на первом этаже. В общем, найдешь, – быстро проговорила Клима и принялась распахивать шумных студентов, мешающих ей пройти.

Я тоже не стала медлить и, лавируя между разноцветной формой учащихся, пошла по лестнице. Шум во внешнем мире притуплял мои внутренние голоса, оставляя гул, который сливался с суетой студенческой жизни. Это можно было бы терпеть, если бы не усталость от бессонных ночей.

Аудиторию я отыскала быстро. В заполненном до отказа помещении единственный незанятый стол обнаружился в последнем ряду, в самом углу. Зубрежка заряжающих формул для амулетов разной направленности меня раздражала и на домашнем обучении. Я подумала, это место – то, что нужно для незаметного отбывания занудной и скучной артефакторики.

Выложив на парту блокнот для заметок, самопишущее перо и записывающий аналитик лекций, я прикрыла глаза.

– У тебя новая модель аналитика? Где взяла? – вернул меня в реальность тягучий и шокированный девичий голос.

Я открыла глаза и увидела перед собой красавицу. Кукольные черты лица, выразительные смоляные локоны, спускающиеся ниже спинки стула, веки ярко подведены и оттеняют фиалковый цвет глаз. Внешне девушка напомнила мне Матильду. Такая красота меня немного пугала. Эталонное, выбеленное коралловыми масками лицо без единого изъяна казалось неестественным.

– Что? – переспросила я, забыв вопрос.

– Это же последняя модель аналитика, – указала красавица пальцем на мое записывающее устройство в форме ракушки.

Что ж, должна признаться, скрываться я не умею. Конечно, я и не преследовала такой цели, просто пыталась оградиться от ненужного внимания, которое может последовать за раскрытием моего положения в обществе. Отец – советник короля, хотя временно и не исполняет свои обязанности, но это и не главное. Главное, что благодаря ему дети простых подданных королевства теперь учатся вместе с аристократами, а как известно, не всем это по нраву.

Я не стала отвечать девушке, только пожала плечами.

– Как тебя зовут? Раньше не видела тебя при дворе. Похоже, мы с тобой единственные нормальные в этом помещении. – Красавица обвела взглядом заполненную аудиторию, отчего ее личико брезгливо скривилось.

– Нормальные? – снова переспросила я, не поняв ее.

– Ну ты посмотри на них. Максимум дети зажиточных подмастерьев, а то и хуже, каких-нибудь гувернеров или дворецких...

Девушка не успела договорить, дверь распахнулась, и в аудиторию вошел щуплый старичок низенького роста с проплешиной на голове.

– Здравствуйте, дети, – тихим голосом проговорил этот эйт, шаркая в направлении преподавательского стола. – Меня зовут Гридис Грамм, я профессор артефакторики и буду преподавать у вас одноименный предмет, – монотонно, без пауз и интонаций продолжил профессор. – Открывайте блокноты или, у кого есть, включайте аналитики и записывайте. Артефакторика – предмет важный и самый необходимый в трудовой деятельности каждого бытовика. Без артефактов, заряженных необходимыми свойствами, слабому магу не обойтись. – Сев за свой стол и уткнувшись в записи, он без малейшего рвения давал знания, зачитывая лекцию с листа: – Каждый бытовой маг должен иметь при себе набор основных заряженных магией предметов на случай непредвиденных обстоятельств. Первые и самые необходимые – это те, которые могут спасти жизнь людям, на которых вы работаете или с которыми вы живете. Так называемые артефакты первой помощи. В их число входят...

Профессор стал перечислять артефакты первой необходимости. Под его однообразные интонации у меня закрывались глаза. Мой аналитик записывал голос преподавателя, а я после бессонной ночи еле сдерживалась, чтобы не заснуть.

– Эй! – Кто-то толкнул меня в бок. – Эй! Ну ты совсем, что ли? Проснись.

Я подскочила на месте и растерянно посмотрела на брюнетку.

– Как приятно, что молодая эйта соблаговолила проснуться к концу моей лекции и удостоила нас своим вниманием. Для бодрости вашего духа ставлю вам неуд по своему предмету, а к следующему занятию прошу подготовить материал на сегодняшнюю тему. Все могут быть свободны, – проговорил профессор, а студенты, хихикая и перешептываясь, стали собираться.

– Ну ты даешь! – посмотрела на меня красавица, изогнув бровь.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты что, еще не проснулась? Это же тебе сейчас профессор Грамм вlepил неуд. Ты проспала всю лекцию и не думала просыпаться, пока я тебя не толкнула. Знаешь, я тоже люблю по вечеринкам ходить и, собственно, где как не на них можно встретить богатого мужа, но, если ты будешь пренебрегать занятиями, тебя быстро отсюда выгонят. А опухшие глаза еще ни одного достойного жениха не привели к храму, для создания семьи. Это я тебе говорю определенно, я не пропускала ни одного урока эйты Милы, самой фрейлины будущей королевы! А она говорила, что молодая эйта всегда должна быть свежа и достойна своего будущего мужа!

О чем говорила эта брюнетка с красивыми волосами и глазами, я не совсем понимала. Какие-то женихи, вечеринки...

– Постой, профессор сказал, что неуд – это мне? – Похоже, я все же проснулась. – Вот же штырева пропасть! – хлопнула я ладонью по столу.

– Ты что так ругаешься! Это непозволительная грубость! – ужаснулась красавица.

– Извини, я не хотела.

– Ты свой аналитик потом переслушай, он у тебя исправно работал, пока ты спала, – ткнула пальцем в мою записывающую ракушку.

– Спасибо. Меня зовут Анна, – опомнилась я и попыталась быть любезной. – А как он поставил мне неуд, если не знает, кто я? – проворчала себе под нос, но соседка по парте слышала.

– Как? Просто! У всех преподавателей есть слепки ауры учеников, но они редко ими пользуются, предпочитают спрашивать имена. Но так как тебя не могли добудиться, профессор Грамм, видимо, считал твою ауру и сопоставил с имеющейся базой. Так ты просто Анна? Может, у тебя есть фамилия? – как-то не особо приветливо уточнила девушка. Кажется, она передумала знакомиться со мной ближе.

Я усмехнулась своей догадке.

– Анна-Лея Каллийская. А тебя как зовут?

Мы уже выходили из аудитории, и красавица остановилась в дверях.

– Ты дочь советника? Но я знаю его дочь, ее зовут Матильда, я лично с ней знакома. – Она оживилась.

Неудивительно. Меня не знают при дворе, я там не появлялась. Было бы странно, если бы вообще кто-то помнил о том, что у советника есть еще одна дочь. Не то чтобы меня скрывали, но и не особо распространялись обо мне. Родители умело избегали разговоров о старшей дочери, иначе бы стали задавать неудобные вопросы, такие как: почему ваша дочь не посещает балы? Почему ваша дочь не бывает на чаепитиях с высокородными эйтами и не входит в общество? Почему то, почему это...

– Матильда – моя младшая сестра, – ответила я так и не представившейся мне девушке.

До следующей аудитории мы добрались быстро, она находилась на том же этаже, через две двери от предыдущей. Странно или нет, но свободным оказался только один стол в самом ее конце. Мы с брюнеткой разместились за ним и приготовились к лекции. Прозвенел звонок, и в ту же секунду в класс вошла высокая, стройная преподавательница в брючном костюме.

– Приветствую будущих представителей нелегкого бытового труда! – завораживающим голосом пропела профессор. – Если кто-то не знает, меня зовут Ретавия Верг, и я ваш куратор в этом учебном году. Я не терплю опозданий, выкриков с места и тем более пропусков. Не только своего предмета, но и других. – Магесса щелкнула пальцами, и перед ней в воздухе появилось двухстороннее табло с фамилиями студентов и расписанием уроков. Движением руки она перелистывала в воздухе страницы.

– Что это? – громко и раздраженно выкрикнула она на всю аудиторию, а затем рявкнула: – Анна-Лея Каллийская, встать!

Бросив недоуменный взгляд на брюнетку, я поднялась с места. И спрашивается, чего так орать?

– Ясно... – протянула Верг, оглядывая меня. – Значит, по вашему мнению, Анна-Лея Каллийская, – пренебрежительным тоном подчеркнула она мое имя, – вам при вашем положении можно спать на лекциях?

– Нет... – промямлила я, растерявшись от внезапного внимания к себе.

– А может, вы думаете, если ваш отец так необдуманно отпустил свою дочь в заведение, где учатся по его же программе дети простых людей, вы можете вести себя вызывающе? Или вы думаете, что для вас правила не писаны?

– Нет, я...

– Тогда постарайтесь объяснить, как в первый же учебный день и на первом же занятии вы получили неуд! – отчитывала меня, как ребенка.

– Я не смогла...

Но мне даже не дали договорить.

– «Я, я...» Что вы лепечете, Анна-Лея? Разве вас не учили изъясняться четко и по существу? – Ну и злобная стерва эта Верг. – Чтобы к следующему занятию все было исправлено! Это касается всех учащихся моего потока. Мои выпускники по количеству баллов всегда лучшие. Если кто-то думает, что это самый легкий факультет, он может прямо сейчас забрать свои документы из Королевской академии. Всем ясно?

– Да, да, – загалдели студенты в ответ.

– Садитесь, Анна-Лея, но имейте в виду, еще два предупреждения, и связи вашего отца не спасут вас от отчисления.

Знала бы она, что отец и уж тем более матушка с радостью поддержали бы ее в стремлении сделать мне еще два замечания и отправить домой. Отвечать я не стала. Села на место, как мне и было велено. Пока эта Верг приступала к чтению материала, а моя ракушка-аналитик записывала ее противный голос, напомнила о себе сидящая рядом красавица:

– Поговаривают, она такая злая, потому что у нее не выходит заполучить главного некроманта. Вот и на тебе свою неудовлетворенность сорвала, – хихикнула девушка.

Поддерживать разговор у меня не было желания, а зная увлечения профессоров тем более. Мне хотелось быстрее попасть в библиотеку, и на этом мои желания заканчивались. Наконец, отсидев мучительно тянущуюся лекцию и не вникая в сказанное Верг, я с брюнеткой вышла из аудитории в поисках столовой.

– Ох, день начался... А ты магнит для неприятностей, милая, – покосилась на меня соседка по парте. – Ладно, у нас целый час перерыва и еще одно занятие по добавочным дарам, дорогуша. Так что не расслабляйся.

Столовая была на первом этаже и находилась в большом зале. Она могла вместить одновременно всех учащихся, так что с местами проблем не возникло. Брюнетка взяла себе салат из водорослей Белого моря и напиток, бодрящий разум. Я же предпочла филе птицы под соусом и липовый чай. Едва я начала прожевывать первый отрезанный кусок мяса, как к нам, с грохотом опустив подносы на стол, подсели два близнеца.

– Анна, ты завела новую подружку? – Жизнерадостный Канаш в форме боевого факультета выглядел потрясающе.

Но еще лучше смотрелся Калтан – шире в плечах, с выпирающими на жилистой шее венами и мощными мышцами рук, выделяющимися даже под плотной тканью формы.

Я не отрываясь рассматривала парней, и мне было все равно, что это выглядит неприлично.

– Чего вы здесь забыли? – появилась рядом с нами Клима. – Ваши боевики во-он там! – указала она парням направление.

На небольшом столе места для еще одного подноса уже не было, и ведьмочка, не смущаясь, поставила свой прямо на стакан с морсом шустрого брата. После уперла руки в бока и уставилась на оборотней. Притихшая рядом со мной красавица брезгливо смотрела и на них, и на подошедшую ведьму. Я же с набитым ртом пыталась быстрее дожевать мясо.

– Рыжик, не будь такой колючей, – поднял руки, сразу сдаваясь, Канаш.

– Я тебя предупреждала насчет рыжика? Я тебе говорила не называть меня так? – сощурила глаза Клима, а мне почему-то стало жаль парня.

– Кудрявая, ты, когда злишься, становишься еще прекраснее, знаешь... – Канаш не успел договорить – в один миг поднос Климы поднялся в воздух и завис над нами, а поднос шустрого перевернулся прямо ему на голову.

Морс и мясная подлива вперемешку с вареными кусочками теста медленно и живописно растекались по прекрасно уложенной прическе и идеально выглаженной форме Канаша.

Вся столовая застыла в ожидании развязки. А Канаш, с присущей ему жизнерадостностью слизнув подливу с одной стороны рта, а морс – с другой, распробовал все это на вкус и постановил:

– Подлива вышла просто чудо, а вот морс подкачал, кисловат. Хочешь попробовать, ведьмочка?

И пока Клима не успела отреагировать, обхватил ее за талию и прильнул к ней всем тем, что с него стекало.

Визг стоял тако-о-ой!.. Хоть уши закрывай. Климентия пыталась вырваться из лап оборотня, а тот всячески мазал ее едой со своей одежды и волос, таким образом с ее помощью вытираясь.

– Пусти-и! Пусти, кому говорю! – верещала Клима.

В зале поднялся хохот. Парни с боевого факультета свистели и поддерживали Канаша. Поток целителей в синей форме возмущался на веселящихся боевиков. Этот спектакль так бы и продолжался, если бы на шум в столовую не пришел профессор-некромант в сопровождении Ретавии Верг. Окинув всех надменным взглядом, куратор бытового факультета строго проговорила:

– Вы! – указала на наш стол. – Все мигом к ректору! Устроили здесь игры.

– Но я ни при чем... Они... – очнулась брюнетка.

– Повторять не буду! – не удостоив девушку внимания, рыкнула высокомерная Верг.

С опущенными в пол глазами мы поднялись из-за стола и в гробовой тишине, все пятеро, направились к выходу из столовой. Проходя мимо некроманта и профессора бытовой магии, брюнетка сделала новую попытку себя оправдать. Но ее слова были по-прежнему проигнорированы. Парни шли рядом молча, и похоже, это происшествие их не особо расстраивало. Климентия же, испепеляя взглядом Канаша, подозреваю, уже обдумывала, как ему отомстить. Мы отошли на приличное расстояние от преподавателей, когда за моей спиной прозвучали слова куратора:

– Дар-Кан, мне это кажется или дети совершенно перестали уважать старших? Никакого воспитания, ты не находишь? – обворожительным голоском пропела Верг.

Я обернулась. Длинноногая профессор поглаживала рукой спину некроманта, продолжая что-то ему нашептывать.

А передо мной назревал очередной скандал.

– Вы, вы... люди с полей, бездарные выскочки. Как вы... как вы посмели подсесть к нам, благородным девицам, и оскорбить нас своим присутствием! Устроили представление с вульгарной девкой, и теперь из-за вас моя безупречная репутация висит на волоске, – шипела красавица с фиалковыми глазами.

– И кто это тут такой безупречный у нас выискался? – вступила Климентия. – Ты, что ли? – ткнула она пальцем в брюнетку.

– Не трогай меня своими жирными пальцами, ведьма, платье испортишь! – закричала та в ответ.

– Что-о?! Жирными? Сама ты... жирная! – Клима бросилась на красавицу и схватила ее за волосы.

Брюнетка, как ни странно, не стала завывать в припадке, а с тем же напором и рвением вцепилась в рыжие кудри соперницы, забыв о своем благородном происхождении и кристальной репутации напрочь.

– О Всемилостивая! – взмолилась я, увидев выдирающих друг у друга волосы девушек.

Братья отчаянно пытались разнять свирепствующих студенток. Канаш держал рыжую за талию и оттащивал от брюнетки подальше. Калтан тем же способом тянул в противоположную сторону мою соседку по парте. Я поспешила встать между ними, пытаюсь вразумить разгневанных девиц.

– Прекратите, вы ведете себя как склочницы на базаре.

– Она первая начала! – закричала Клима. – Благородная нашла! Думаешь, я не знаю, с какой целью едут в академию такие, как ты? Знаю, это все знают! Чтобы найти себе мужа! Побогаче да с титулом повыше. Вся свою жизнь ничего не делать, а строить из себя королеву.

– И что? Я этого и не скрываю. Я слишком красива, чтобы работать, – совершенно не оскорбилась аристократка. – Открыла великую тайну! – усмехнулась. – Тебе до меня, как штырю до королевских палат, еще сотни домов пройти надо.

– Ах ты стерва порядочная! – завопила ведьма, царапая руки Канаша и пытаясь вырваться.

– Сама стерва! – бросила в ответ брюнетка и тут же закричала на удерживающего ее Калтана: – А ну отпусти меня, боров! Не тебе меня трогать! Кому сказала!

Калтан скалой стоял позади нее, даже не двигаясь от ее метаний. С высоты своего роста он ласково взглянул на брюнетку и обворожительно ей улыбнулся. Девушка застыла. И я тоже. Две великолепные ямочки, появившиеся на щеках боевика, как по волшебству преобразили его суровое лицо – он мигот превратился в милого и добродушного парня.

– А чего это ты улыбаешься? – потерялась красавица.

– Калтан, это запрещенный прием, – засмеялся Канаш.

Вдруг откуда ни возьмись рядом с нами появился сам ректор Королевской академии Гилатер Гурский. Огромный, в мантии красного цвета, он внушал одновременно доверие и опасение, вызывая легкость и опустошение. Он оглядел всклокоченных девушек, удерживаемых парнями, перевел взгляд на расцарапанные руки Канаша и остановился на мне.

– Интересно... – задумчиво протянул ректор. – Ну давайте, объясняйте вы, дочь Семиона, что здесь произошло, – спокойным голосом, произнес глава академии.

– Да, собственно, ничего, – пожалала я плечами. – Мы шли к вам, – отчеканила уверенно. И чтобы хоть как-то отвлечь его внимания от эпичной картины в коридоре, сразу же задала вопрос: – Скажите, пожалуйста, эйт Гурский, как вы поняли, что я дочь Семиона.

Мне действительно было интересно. Мы с ним не были представлены друг другу, да и с отцом мы хотя и похожи внешне, но не настолько, чтобы узнать в нас родственников.

– Если у меня и были сомнения секунду назад, то своим вопросом ты подтвердила мои догадки, Анна-Лея.

Я вопросительно уставилась на ректора. Ребята закопошились наконец, отпустив девушек, а те сразу принялись поправлять форму и приглаживать вздыбленные волосы.

– Во-первых, ты с первого курса. Во-вторых, в академии редко встретишь тех, кто пытается разнять бунтующих студентов, выступая в роли миротворца. В основном это показывает хорошее воспитание. Не благородное, а именно хорошее... правильное. Ты это делала, впрочем, как и близнецы. Это редкость, обычно ученики становятся в круг и делают ставки на победителя, записывая драку на аналитик иллюзий.

Как-то уж очень спокойно он об этом говорит. А как же поругать нас, наказать, возмутиться нашим поведением?

– Поэтому я повторяю еще раз: что произошло?

Тут вмешались парни, отгесняя меня с передовой.

– Эйт Гурский, мы с Калтаном виновны в происшедшем, – взял слово Канаш. – Мы не очень вежливо начали общение с красивыми девушками. Они возмутились, весьма оправданно. После из-за нашей неловкости на пол полетели подносы с едой. Все это безобразие увидела профессор Верг и велела идти к вам с покаянием, – как на дознании, без запинок отпортовал Канаш, словно всю ночь заучивал.

Ректор внимательно слушал студента, и по его лицу было трудно понять, верит он ему или нет.

– А... молодые эйты, я так полагаю, вцепились друг другу в волосы... – начал уточнять он.

– Так они решили удостовериться, у кого из них они лучше, вот и проверяли на ощупь, – перебил ректора Канаш.

Девушки, немного остывшие от гнева, часто-часто закивали головами, а Клима для пущей достоверности пригладила волосы брюнетки, не забыв ей улыбнуться.

У главы академии от недоумения образовалось три ровные морщины на лбу, а на губах появилась едва заметная улыбка.

– Мне вот интересно, Канаш. За четыре года учебы ты еще ни разу не повторился, выкручиваясь в спорных ситуациях. У меня даже спортивный интерес просыпается каждый раз, когда тебя вижу: что же на этот раз сможет придумать твоя гениальная голова.

– Всегда рад стараться, эйт Гурский...

– А ну-ка не паясничай! – наконец прикрикнул ректор.

Канаш замолчал и склонил голову.

– Девушки, за неподобающее поведение в академии на провинившихся налагаются определенные наказания. Учитывая, что сегодня только первый день учебы и все взволнованы, я сделаю вид, что ничего не произошло.

Мы все оживились, стали переминаясь с ноги на ногу.

– Впредь прошу вести себя осмотрительно. А вам... – перевел ректор взгляд на парней, – вам бы набраться ума, все-таки последний курс. А у вас все шуточки.

В коридоре раздался громкий звонок, оповещающий об окончании большого перерыва и предупреждающий о продолжении занятий.

Ректор тяжело вздохнул и, махнув рукой, сказал:

– Идите уже.

Мы переглянулись. Близнецы откланялись и направились к выходу. Клим побегала на лекции. Мы с брюнеткой пошли рядом молча. Лишь когда я свернула не в ту сторону, она остановила меня и указала правильное направление. Вошли мы с ней в аудиторию одновременно. Я двинулась к пустующей последней парте, а она села на свободное место на первой линии. Что ж, вот и разошлись наши пути. Видимо, обдумав все за и против, соседка по парте решила, что без меня ей будет куда спокойнее. Даже моя высокородная кровь не помогла красавице пересилить брезгливость от общения с простым человеком. Оно, наверно, и к лучшему. Но почему тогда так грустно?

Прозвенел звонок, и в аудитории появился некромант. Голоса и шорохи смолкли в одночасье. Широкими шагами, стуча грубыми сапогами, он прошел к преподавательскому столу и открыл в воздухе журнал. Я взглянула на свое расписание уроков. Судя по нему, сейчас должно было быть занятие по добавочному дару с преподавателем Дербе Боком.

– Меня зовут Дар-Кан Арк, я профессор некромантии. В ближайшее время буду замещать профессора Бока, – проговорил он на удивление глубоким, глухим голосом.

Мне показалось, он совершенно ему не подходил. Многие сокурсники, в основном парни, засуетились, с интересом рассматривая некроманта.

– Профессор, а правда, что вы слышите голоса мертвых? – выкрикнул кто-то из-за парт.

Оживление и шепотки прекратились. Профессор прищуренным глазом обвел аудиторию, всматриваясь в лица студентов. А я, присмотревшись к нему, поняла, что щурится он не по привычке, а из-за того, что вдоль его правого века и дальше через висок, прячась в волосах, тянется тонкая линия шрама. Так и не ответив на выкрик из зала, заместитель Бока слегка скривился и сел за стол. Откинул с колена край длинной мантии и вытянул вперед ногу в узкой черной кожаной штанине.

– У каждого человека в мире – Атерры имеется два дара, подаренных богами в период взросления, – начал лекцию темный профессор.

Тут же зашелестели блокноты, запиликали аналитики, и все с интересом стали вслушиваться в его негромкий голос.

– У всех дары разные, но их обязательно два. Кто может ответить почему? – задал вопрос преподаватель, но никто не осмелился ответить первым, хотя ответ на этот вопрос многие знают с детства.

– Селина Вильская, – назвал профессор имя из списка.

С первого ряда поднялась та самая брюнетка.

– Сможете ответить на мой вопрос?

– Конечно, профессор, – кивнула красавица и продолжила: – На Атерре почти все имеет свою пару. Как говорил мой учитель по основам магии: «У тебя две руки, две ноги, два глаза и даже правое и левое полушария мозга, так почему дар должен быть один?» – процитировала она своего домашнего преподавателя.

– Есть что добавить? – не глядя на девушку, уточнил некромант.

Селина замаялась. Суть она озвучила. Все это понимали.

– Садитесь, – небрежно махнул рукой преподаватель.

И что нашла в этом угрюмом профессоре стервозная Верг?

– Как подметила эйта Вильская, все имеет пару – это верно!

Краем глаза я уловила, как Селина перевела дыхание, словно до этого и не дышала. Представляю, что для нее значат положительные отметки. Не так важны сами знания, как поиск достойного мужа. А как его найдешь, если будут плохие оценки и подмоченная репутация? Вот и отсела она от меня подальше, чтобы ее доброе имя не ассоциировали с моей тягой попадать в неприятности. Винить я ее не могу. Если тебе внушают с детства, что такое хорошо, что такое плохо, разве ребенок задумывается об обратном? Нет. Конечно, нет, дети чтят своих родителей в большинстве случаев и перенимают их поведение.

– В нашем мире два бога, Всекарающий Ар и Всемиловитая Ора, – говорил тем временем профессор. – По преданию, у богов после создания нашего мира возникло одно-единственное противоречие. Ар предлагал наделить каждое разумное существо одним большим даром, а богиня утверждала, что этого недостаточно и необходимо множество различных сил, чтобы их подопечные жили благополучно. Прийти к согласию у них никак не получалось. Случился раздор, долгие века молчания и непонимания. Столетия спустя мягкая и понимающая Ора, пересилив себя, сделала шаг навстречу строгому и принципиальному Ару. Она согласилась на его условие дать людям только один дар. Всекарающий, видя, как богиня переступает через себя ради общего благополучия, предложил компромисс: «Если нас двое, ты и я, если в мире два полюса, есть небо и земля, так пусть у каждого существа будет два дара».

Кто-то выкрикнул с места:

– Но не все имеют два дара!

Некромант поморщился, но продолжил, не отвечая:

– Богиня была благосклонна и согласилась на предложение. Воцарился мир и порядок, как у богов, так и у их созданий, то есть у нас с вами.

Дар-Кан Арк излагал основы появления магии, которые знали все в аудитории, даже те, кто не мог позволить себе нанять учителей. У всех жителей Атерры к моменту перестройки организма открывались те или иные способности. Родители передавали свои знания и опыт детям. В этом не было ничего необычного. Это как научить ребенка ходить или держать ложку. Единственное, было подмечено, что дары часто передаются по наследству. Так, если родители обладали только бытовой магией, то с вероятностью в девяносто девять процентов их дети тоже не будут обладать выдающейся силой или особым даром. Как, собственно, произошло со мной и сестрой. У отца основной, сильный дар убеждения, второй – обычный, бытовой: зажечь огонь, остудить чашку чая или почистить фрак. Матушка имеет основной бытовой и то максимум, что ей по силам, это высушить волосы. Второй, добавочный дар у нее так и не активировался или же, как принято говорить, не выявлен из-за того, что совсем незначителен. Вот и нам с сестрой перешла в наследство бытовая магия как основной подарок богов. У Мати был выявлен второй дар – способность к чистопению, а мой так и не был обнаружен.

Профессор начал зачитывать основные градации добавочного, или второго дара по силе и значимости. Мне это было неинтересно, так как мой наверняка настолько мал, что его даже не смогли выявить множество выписываемых отцом из столицы магов, профессионалов в этом направлении. Зато от сегодняшних потрясений меня начинало трясти нервной дрожью. Перенапряжение давало о себе знать. Отец предупреждал, что легко не будет. В первый же

день умудрилась заработать неуд, увидеть откровенное пренебрежение Верг и ссору девушек, дошедшую до вырывания волос. Меня стало знобить сильнее, это было предвестие наступления моего личного хаоса.

– О боги... – простонала я сквозь сжатые зубы.

«Пожалуйста, не сейчас, только не это. Еще не ночь и даже не вечер». Я запахнула теплую накидку, надетую поверх формы, и обняла себя за плечи в ожидании появления неминуемых и ненавистных голосов. Магчасы на стене медленно пересыпали песок из одной чаши весов в другую, мерно отсчитывая минуты до окончания занятия. Раз песчинка, два песчинка, три песчинка...

– Вразумите его, прошу вас, боги... – послышался тихий девичий шепот, а я мысленно взывала.

«Нет прошу... прошу, не сейчас». Схватила за голову, уговаривая ее не быть настолько бедовой.

– Эйта, вам плохо? – прогремел низкий голос.

Это что-то новенькое, мужчин еще ни разу не слышала, обычно только женские голоса.

– Эйта?

И я вздрогнула от чужого прикосновения к плечу.

Рядом стоял и смотрел беспокойными глазами на меня профессор. Первая мысль, которая меня посетила: «Откуда у него шрам?» Совсем тонкий, словно ниточка белесой полосой проходит по веку, немного его опускает. Глаза яркие, серые, но ведь должно быть наоборот. Серый цвет, он бледный, блеклый и неинтересный, достаточно предсказуемый и ни капли не веселый. Все у него не как у людей, у этого некроманта. Голос не похож на его внешность, глаза чересчур яркие и одет как... как некромант. О богиня, о чем я думаю?

– Эйта, что с вами? Может, вызвать целителя?

– П-простите, профессор, я действительно неважно себя чувствую, – отмерла я и потеряла виски, пытаюсь отвлечься от нахлынувших эмоций.

– Умри же! Сколько еще ждать твоей смерти? Умри... – добавил скрип в голове.

«Заткнись, заткнись!» – кричала я мысленно, будто это могло помочь.

– Могу ли я вый... – не успела произнести, как прозвенел звонок.

Забыв о профессоре и о том, что собиралась сказать, я быстро сбросила блокнот и аналитик со стола в портфель и выбежала из аудитории.

Глава 7. Не все так просто

До своей комнаты добежала не помню как. Не помню, как залпом выпила зелье. Не помню как, но вроде бы уснула, а вот очнулась резко – от хлопка закрывшейся двери. В комнату вошла соседка.

– Ой, прости, ты спала? Сквозняк сильный, извини. Я постараюсь тише, спи дальше, – зашептала Климентия.

Она поднялась на носочки и, медленно ступая, прошла к своей кровати. Аккуратно положила на нее портфель, но из него что-то выкатилось и с грохотом упало на пол.

– Ой, прости, это моя чаша для приворотов, отворотов, для зелий, короче. Все, молчу, молчу, отдыхай.

Я прикрыла глаза, вслушиваясь в долгожданную тишину в своей голове и в окружающем пространстве. Вдруг дверца шкафа медленно, о-очень медленно и с протяжным, замысловатым скрипом открылась. Отменнейшее чувство скрипа было у этой дверцы! Спустя мгновение с тем же вокальным многообразием она закрылась. Никогда не думала, что скрип может иметь так много тональностей, от неприятного писка до душераздирающего скрежета. Я даже подумала было, что открыла у себя второй дар к распознаванию звуков, но нет. Закончив со шкафом, Клима, умудряясь шаркать на носочках, подошла к окну, отодвинула шуршащую занавеску. Изо всех сил стараясь не шуметь, подергала задвижку окна и впустила в комнату свежий воздух. Сделав доброе дело, соседка села на свою кровать. Та издала жалобные стоны. И в завершение всего Клима чихнула – раз, два, три... Я открыла глаза.

– Прости... апчхи!.. Ой... а-апчхи!

Радует одно – зелье на время убрало мои голоса и связанные с ними эмоции. Озноб прошел, и мне надо бы подняться и заняться поиском новых ингредиентов для моего успокоительного, иначе...

– Апчхи, апчхи!.. Прости, Анна!

– Не извиняйся, я уже встаю. Ты простыла? Может, сходишь к целителю?

– А, нет! – отмахнулась соседка. – У меня аллергия на кризелию, она растет где-то рядом с нашим окном. Апчхи!..

– Зачем тогда окно открывала? – тихо пробормотала я и вздохнула. – У целителей должно найтись что-то против аллергии, сходи к ним.

– Нет, я сама приготовлю, не впервой. Ты видела, какая здесь лаборатория? – перешла на другую тему ведьмочка, не забывая при этом чихать.

– Нет, не успела как-то за первый день.

– А я только оттуда. Закачаешься, там есть все... Это рай для ведьм. Нашему курсу даже выделен определенный набор трав, ингредиентов и смесей для работы. И все это богатство совершенно бесплатно. Роскошно правда?

– Правда, – улыбнулась я, видя горящие глаза соседки.

– Представляешь, я столкнулась там с Пантией Странк! Она самый гениальный гений в целительстве! Она из обычной белладонны может сделать до тысячи разнообразных зелий. От лечебных до таких, что могут только одним запахом усыпить самого свирепого вепря. – Клима не переставала болтать о кумире. – А это тебе не шутки – часами выпаривать листья, наблюдая за ними не отрываясь. Вымерять, сколько пара выделилось, и не пропустить нужный момент...

– Клим, мне надо в библиотеку, – прервала я соседку. – За материалом для профессора Грамма.

– Ой, а я слышала! Тебя сегодня эта Верг отчитала при всех. Ну она и стерва! Все так считают. Так что ты не переживай, все на твоей стороне. А Гридис Грамм на самом деле хороший. Но ты тоже умудрилась – проспять всю его лекцию, – засмеялась соседка, а я задумалась.

Выходит, что уже все в курсе моего незапланированного отдыха на занятиях. Это как же быстро распространяется информация! Все всё уже обсудили и даже приняли мою сторону. Когда-то я надеялась мирно и незаметно учиться, не привлекая к себе внимания. Что там когда-то, это было всего сутки назад! Штырева пакость.

– Да-а... В общем, знаешь... Пойду, – махнула я рукой и вышла за дверь.

Здание библиотеки я нашла на удивление быстро. Оно расположилось по левую сторону от основного административного, того, что со статуями на крыше. Как и должно быть в учебном заведении такого масштаба, библиотека оказалась огромной. К ее входу вело множество ступеней и всевозможных площадок из-за возвышенности, на которой она находилась.

Я вошла в здание, нашла нужное мне помещение, подошла к стойке служителя и нажала на кнопку для посетителей. Прозвучал мелодичный звук – пение птиц, шелест листьев и журчание воды. Я огляделась по сторонам, но никто так и не появился. Кроме нескольких студентов, сидящих в читальном зале, никого не было. Я снова нажала на кнопку, теперь послышался шум прибора.

– Чего кнопки нажимаешь, не видишь, люди занимаются? – появился из-за стеллажа с книгами невысокий старичок с длинной бородой и очками на крючковатом носу.

Рубашка в синюю полоску, широкие штаны и голые ступни. Стоп. Босой? Но так выглядят только эльфы. Они предпочитают чувствовать землю, потому и не носят обуви. Я посмотрела на старичка внимательнее и только тогда заметила торчащие из-под длинных седых волос острые ушки.

– Вы эльф?! – восхитилась я.

Мне не часто доводилось видеть представителей других народностей. Расы Интарии мы изучали на дому мало. Я знала только, что многие виды не очень отличаются от нас внешне. Однажды за советом к отцу заезжал демон. Мы с Матильдой тогда пытались подглядеть за ним, однако, кроме маленьких рожек на голове, он ничем нас не удивил. Странно, но в Королевской академии я тоже не заметила других рас, ну если не считать близнецов-оборотней. Но они тоже не отличаются от нас, пока не перекинутся в шкуру волка. Вот и Тучка, то есть демоница-распределитель, пока не обернулась, ничем не отличалась от людей. Может, я просто не обращала внимания, да и на разглядывание студентов времени не было. И вот первый раз вижу эльфа, самого настоящего, а не из энциклопедии в библиотеке отца! Все же они редкие экземпляры на Атерре.

– Вы... – грозно посмотрел на меня эльф. – Вы мало того, что нарушаете тишину, так еще и тычете в меня моей расой? – Кончики его ушей слегка зашевелились.

Это выглядело весьма умирительно, и я улыбнулась.

– Простите мою дерзость и примите глубочайшие извинения. Я не хотела ни в коем случае как-то задеть вас. Я раньше никогда не встречала представителей древней расы, – попыталась я изменить к себе отношение эльфа.

Ссориться со служителем библиотеки в мои планы не входило. Кто, как не он, сможет посодействовать поиску нужных книг? А как известно, эльфы чтят свои корни и они весьма тщеславны, хотя и скрывают это под маской строгости.

– Для меня честь говорить с вами, и мои эмоции доказательство того, как я этому рада. – Я поклонилась, приложив ладонь к груди.

Эльф смотрел на меня из-под белоснежных ресниц испытывающим взглядом. Так, видимо, мало ему пламенной речи и похвалы.

– Уважаемый...

– Элладир Кар, – подсказал свое имя библиотекарь.

– Уважаемый Элладир Кар, мое невежество не может быть просто так забыто, и я прошу... прошу вас назначить цену, которую я смогу заплатить, чтобы порадовать вас.

Элладир, долго не думая, подвинулся ближе и быстро прошептал:

– Я люблю пончики от Розы, что в центре, на набережной. – И хитрый старичок тут же отошел на прежнее расстояние от меня.

– А-а-а! Да, конечно. А сколько?

– Не шумите, студентка, здесь занимаются, – довольно громко проговорил эльф и снова прошептал: – Упаковку... Какие книги нужны молодой эйте?

– Мне нужны справочники трав. Редких трав, – моментально сориентировалась я.

– Проходите вглубь правого коридора, по левую сторону седьмой стеллаж... Скажите Розе, чтобы обильно посыпала пончики пудрой, – снова понизив голос, пробормотал эльф-сладкоежка.

– Конечно. Спасибо, – поблагодарила я зрителя и пошла в заданном направлении.

Библиотека в несколько этажей с высокими потолками внушала надежду на то, что я найду нужные мне сведения. Свернув направо, я увидела нужный стеллаж и принялась читать корешки книг.

«Травы Маркены», «Деревья Интарии», целая книга, посвященная золотому дереву, «Водоросли Белого моря», «Пустынные растения Долины успокоения»... Все не то. Я прошла вдоль стеллажа, обошла его, просмотрела книги с другой стороны, поднялась по приставной лестнице и на верхних полках тоже не обнаружила ничего заслуживающего внимания. Мой энтузиазм медленно, но верно угасал. Постепенно мною овладевала мысль, что все зря. Поездка в академию, ссора с Матильдой, то, что отцу пришлось просить за меня ректора, а он не любит пользоваться привилегиями... Я шла напролом, и все закончилось провалом. Стало тоскливо из-за такой дурацкой жизни. Из-за невозможности хотя бы на несколько дней забыться и не думать о своем недуге, о переживаниях и поисках средств излечения.

«Жалость к себе не приводит ни к чему, кроме бездействия, Анна», – уговаривала я себя. Провела рукой по лицу, смахивая выступившие слезы, и уже в миллионный раз заставила себя успокоиться. Что ж, может, я ищу не там, может, нужно поискать уже готовые составы зелий или магические новинки? В поваренных книгах тоже попадаются интересные приправы с интересными свойствами. Можно посмотреть и в артефакторике, как раз мне нужно готовить доклад по ней. Воодушевив себя тем, что, похоже, еще не все потеряно, я направилась к эльфу за помощью.

Когда я проходила между стеллажей, мой взгляд зацепился за название книги – «Редкие дары богов». Знала, бессмысленно, но я потянулась к ней.

Все лекари и профессора, вызываемые отцом, говорили, что моя проблема – это не дар, что это лишь воображение юной эйты и сверхчувствительность переходного возраста. Когда же прошло некоторое время и ссылаться на гормоны больше не было смысла, они стали твердить о чем-то постороннем внушении. Скорее всего, меня прокляли или боги наслали кару и тому подобное. А в заключении целителей пансионата написали, что было обнаружено и снято проклятие тринадцатого уровня. Словом, обманщики и олухи, которых провела семнадцатилетняя девица, предложив им вариант своего исцеления.

Я открыла первую страницу книги и вчиталась. Сборник даров, встречающихся у 5–10 процентов населения Атерры.

– Ого! – присвистнула я.

Это один дар примерно на десять тысяч человек.

– Это еще что! – многозначительно протянул подошедший ко мне парень в фиолетовой форме стихийников. – Поговаривают, у ректора в кабинете имеются данные по дарам, которые и вовсе запрещено афишировать. Представляешь, что там можно обнаружить?

Я взглянула на молодого эйта, обдумывая услышанное. Как вдруг меня охватило нестерпимое желание что-то для него сделать. Необходимое и очень важное. Что-то, что могло бы помочь ему и мне. Словно мы зависимы друг от друга и это крайне значимо для нас обоих. Штырева катастрофа, что это? Мне невыносимо захотелось его обнять, спрятать, защитить от вселенского зла. Пытаясь разобраться с нахлынувшими чувствами, я уставилась на парня, что было весьма неприлично.

– Меня зовут Моран Стир, – представился эйт. – Последний курс, стихия воздуха, второй дар не выявлен. – Стихийник почесал затылок и пожал плечами.

Обычный парень, внешне непримечательный. Прямые светлые волосы до плеч, голубые глаза, среднего роста, прижимает к груди книги. Но почему у меня такое чувство, будто я ему что-то должна? Может, я с ним знакома?

– Анна-Лея, – представилась и сразу спросила: – Мы виделись раньше?

– Нет, – смутился парень. – Просто я увидел, что ты читаешь и подумал, тебе будет интересно узнать о подобных книгах. Ладно, я пойду, – спохватился Моран. – Нужно готовиться к занятиям.

– Подожди, – остановила я его, еще не зная, что хочу сказать.

Мне не хотелось с ним расставаться. Притяжение и сильное чувство страха за него не отпускало. Хотелось следовать за ним по пятам. Заботиться и защищать.

Однажды я читала, что древние расы существ Атерры выбирали себе пару именно так. Обострившееся чувство заботы и желания защитить избранника было настолько велико, что не давало возможности отстраниться от него на долгий срок.

– Мы точно с тобой не были знакомы до этого? – отогнала я от себя неуместное предположение.

– Э-э, нет, – еще больше смутился студент, развернулся и зашагал от меня прочь.

С каждым шагом удаляющегося стихийника мое внезапно появившееся чувство меркло. Жажда помощи и сильное притяжение проходило, но до конца так и не отпустило. Невидимая нить между нами осталась и тянулась вслед за ним. Со мной такое было впервые. «Странно...» Книгу о редких дарах богов я решила взять с собой, надеясь, что за двойную порцию пончиков от Розы старый эльф разрешит мне это сделать.

Договорившись с ним, я добралась до своей комнаты и прошла в умывальню. Маленькая кабинка, отделанная дешевой водонепроницаемой губкой, укрыла меня от всего мира. Вода просачивалась из множества мелких отверстий в потолке, даря свежесть мыслям.

Из-за какого-то студента я совсем забыла, что хотела сделать. А хотела я поискать спасение от голосов в артефакторике и других дисциплинах. Моран Стир сбил меня с толку. Яркие чувства к нему меня откровенно взволновали. Надо бы разузнать о нем побольше. Что-то не нравится мне это...

Надев свежее белье и платье и выйдя из умывальни, я открыла чемодан, чтобы взять зелье, и ужаснулась.

– О богиня, здесь совсем чуть-чуть!

На дне бутылочки плескалось меньше одной дозы отвара.

Страх огненной волной прокатился по всему телу. Воздух застрял в легких, не находя выхода. Мне не хватит даже на эту ночь! Не хватит, не хватит! Чтоб тебя... окоченевший труп умертвия сожрал, глупая гусыня! Как теперь быть? Знала же, что зелья мало, и не позаботилась о нем.

«Что делать? Что же делать? – заходила я по комнате взад-вперед, пытаюсь унять подступающую панику. – Думай! Думай!»

Так, хорошо, у меня есть запасы трав, все, кроме жалищего папоротника. Это нестрашно, папоротник нужен только для вкуса, не более. С количеством сложнее, но должно хватить на неделю. Остается только приготовить. Что там Клима говорила о лаборатории?

Схватив в охапку сверток с травами, я ветром вылетела за дверь. Беззаботные студенты прохаживались группками, некоторые сидели на лавочках и не понимали, куда я так спешу.

Перепрыгнув низкие ступеньки лестницы, я рванула ручку двери лекционного здания. И ничего. Дернула еще раз и еще, но дверь не хотела поддаваться.

– Открывайся же ты! Штырей на тебя нет, дубовая зараза! – пнула я ее в отчаянии.

– Студентка, вы что-то забыли? – услышала за спиной знакомый глубокий голос.

Я обернулась и уткнулась носом в грудь профессора-некроманта. «А он высокий», – подумала я и зачем-то произнесла это вслух.

– Что, простите? – откашлялся он.

– Что... Что? – отозвалась я, всматриваясь в ярко-серые глаза.

– Студентка Каллийская! – отошел Дар-Кан Арк на пару шагов от меня. – Зачем вы ломаете дверь и почему ругаетесь как садовник?

– Что? – повторила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.